

**Ахметов Р.Б., Бабулин И.Б. Белгородский приказ московских стрельцов в
1658-1680 гг. Очерк полковой истории**

В статье авторы на основе анализа широкого круга источников, в т.ч. и ранее не публиковавшихся архивных материалов, рассказывают об истории Белгородского стрелецкого приказа (полка), сформированного в 1658 г. из московских стрельцов-«сведенцев» и просуществовавшего до начала XVIII в., когда он был переформирован в солдатский полк. Подробно рассматривается предыстория приказа (и история появления московских стрельцов на юге России при царе Михаиле Федоровиче), эволюция организационной структуры приказа, порядок его содержания, вооружение, знамена, «служилое платье» и послужной список приказа.

Авторы:

Ахметов Рустэм Борельевич, в 1987 г. окончил Томский политехнический институт по специальности горный инженер-геолог. Область научных интересов: история московских стрельцов XVII - начала XVIII вв., знамена и военная униформа этого периода.
editorial@milhist.info

Бабулин Игорь Борисович, подполковник юстиции. В 2013 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: “Борьба за Украину в гетманство И. Выговского: военные события 1658-1659 гг.” Область научных интересов: военная история XVI-XVII вв.
editorial@milhist.info

Литература, использованная в статье:

- Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – Харьков, 1886. – С. 15
- Багалеи Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. – Харьков, 1890. – С. 19, 28.
- Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1894 – Ч.1. – С. 143.
- Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. – М., 1967. – С. 240.
- Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 153,155.
- Романов М.Ю. Москва стрелецкая. – М., 2012. – С. 50.
- Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Ученые записки, – Т. 27. – Труды кафедры истории СССР. – Вып. 2. – М., 1954. – С. 79.
- Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. – М., 2006. – С. 359.
- Новомбергский Н.Я. Очерки внутреннего управления Московской Руси XVII столетия. – Томск, 1914. – Т. 1. – С. 364.
- Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного исторического музея. – М., 1948. – С. 90.
- Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы // Цейхгауз. – № 1, 1991. – С. 10–11
- Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // Армии и битвы. – 2008. № 9. – С. 17

Писарев А.Е. Служилое платье московских стрельцов // Армии и битвы. – 2009. № 11. – С. 21–23.

Татарников К.В. Русская полевая армия 1700-1730. Обмундирование и снаряжение. – М., 2008. – С. 133.

Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686 году // Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 6. – Белгород, 2006. – С. 89.

Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – М., 1959. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 67.

Гордон П. Дневник 1677-1678. – М., 2005. – С. 60.

Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М., 1976. – С. 299–300. Комментарии к документу № 70.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. – М., 1954. – С. 187–188.

Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686 году // Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 6. – Белгород, 2006. – С. 89.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб, 1858. – Т. 1. – С. 305.

Рабинович М.Д. Полки Петровской армии 1698-1725. – М., 1977. – С. 21, 44.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin

Ссылка для печатных изданий:

Ахметов Р.Б., Бабулин И.Б. Белгородский приказ московских стрельцов в 1658-1680 гг. Очерк полковой истории [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 1-59. <http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin> (14.07.2015)

Akhmetov R. B., Babylin I. B. Belgorod Department (prikaz) of the strelcy of Moscow 1658-1680, the history of the regiment

Authors:

Akhmetov Rustem Morelewicz, in 1987 obtained his masters degree in “Mining engineering” offered by the Tomsk Polytechnic Institute. His research interests are in the areas of the history of Moscow Streltsy XVII - beginning of XVIII centuries, flags and military uniforms of this period.

editorial@milhist.info

Babulin Igor Borisovich, Lieutenant Colonel of Justice. In 2013 he passed his Ph.D defense in History: “Scramble of Ivan Vyhovsky for Ukraine and Hetman position: war events in 1658-1659”.

Research interests: military history of the XVI-XVII centuries.

editorial@milhist.info

Summary:

In their article, the authors analyze of a wide range of primary sources, including previously unpublished archival materials that focus on the history of Belgorod Streletsky prikaz (regiment), formed in 1658 from Moscow Streltsy-"svdentsy" (hurled together). The regiment lasted until the early XVIII century, when it was transformed into soldier's regiment. The authors go through the background of the prikaz (and the history of Moscow streltsy in the South of Russia under Tsar Mikhail Fedorovich), evolution of the organizational structure of the prikaz, the rules of its keeping, its weapons, flags, military dress and military register of the prikaz.

References:

- Bagaley D.I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva. – Khar'kov, 1886. – S. 15
- Bagaley D.I. Materialy dlya istorii kolonizatsii i byta Khar'kovskoy i otchasti Kurskoy i Voronezhskoy guberniy. – Khar'kov, 1890. – S. 19, 28.
- Miklashevskiy I.N. K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. – M., 1894 – Ch.1. – S. 143.
- Aleksandrov V.A. Streletskoe naselenie yuzhnykh gorodov Rossii v XVII v. // Novoe o proshlom nashey strany. – M., 1967. – S. 240.
- Zagorovskiy V.P. Belgorodskaya cherta. – Voronezh, 1969. – S. 153,155.
- Romanov M.Yu. Moskva streletsкая. – M., 2012. – S. 50.
- Margolin S. L. K voprosu ob organizatsii i sotsial'nom sostave streletskogo voyska v XVII veke // Uchenye zapiski, – T. 27. – Trudy kafedry istorii SSSR. – Vyp. 2. – M., 1954. – S. 79.
- Malov A.V. Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii 1656-1671 gg. – M., 2006. – S. 359.
- Novombergskiy N.Ya. Ocherki vnutrennego upravleniya Moskovskoy Rusi XVII stoletiya. – Tomsk, 1914. – T. 1. – S. 364.
- Margolin S.L. Vooruzhenie streletskogo voyska // Voенно-istoricheskiy sbornik Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. – M., 1948. – S. 90.
- Palasios-Fernandes R. Moskovskie strel'tsy // Tseykhgauz. – № 1, 1991. – S. 10–11
- Pisarev A.E. Berdyshi russkoy pekhoty. Seredina – vtoraya polovina XVII veka // Armii i bitvy. – 2008. № 9. – S. 17
- Pisarev A.E. Sluzhiloe plat'e moskovskikh strel'tsov // Armii i bitvy. – 2009. № 11. – S. 21–23.
- Tatarnikov K.V. Russkaya polevaya armiya 1700-1730. Obmundirovanie i snaryazhenie. – M., 2008. – S. 133.
- Lobin A.N. Pushki i znamena polkov Belgorodskogo razryada v 1686 godu // Belgorodskiy kraevedcheskiy vestnik. – Vyp. 6. – Belgorod, 2006. – S. 89.
- Krest'yanskaya voyna pod predvoditel'stvom Stepana Razina. – M., 1959. – T. 2. – Ch. 2. – S. 67.
- Gordon P. Dnevnik 1677-1678. – M., 2005. – S. 60.
- Vosstanie v Moskve 1682 g. Sbornik dokumentov. – M., 1976. – S. 299–300. Kommentarii k dokumentu № 70.
- Chernov A.V. Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV-XVII vv. – M., 1954. – S. 187–188.
- Lobin A.N. Pushki i znamena polkov Belgorodskogo razryada v 1686 godu // Belgorodskiy kraevedcheskiy vestnik. – Vyp. 6. – Belgorod, 2006. – S. 89.
- Ustryalov N.G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. – SPb, 1858. – T. 1. – S. 305.
- Rabinovich M.D. Polki Petrovskoy armii 1698-1725. – M., 1977. – S. 21, 44.

Internet link:

http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin

Reference:

- Akhmetov R. B., Babylin I. B. Belgorod prikaz of Moscow strelcy 1658-1680, the regimental history [Elektronnyy resurs] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. — 2015. — T. VII. — P. 1-59. <http://www.milhist.info/2015/07/14/akhmetov_babylin> (14.07.2015)

БЕЛГОРОДСКИЙ ПРИКАЗ МОСКОВСКИХ СРЕЛЬЦОВ В 1658-1680 ГГ. ОЧЕРК ПОЛКОВОЙ ИСТОРИИ.

В отечественной литературе имеется немало публикаций о московских стрельцах. Авторы статей пытаются осветить организацию стрельцов, вооружение, служилое платье и знамена. В основном эти работы посвящены столичному гарнизону. Однако во второй половине XVII столетия в Белгороде появился первый постоянный стрелецкий приказ, сформированный из московских стрельцов. Он был размещен «на вечное житье» вне столицы и получил наименование «московский». В обязательном порядке употребляемая в названии приставка «московский» подчеркивала особый, представительский статус приказа по сравнению с провинциальными городскими стрелецкими приказами.

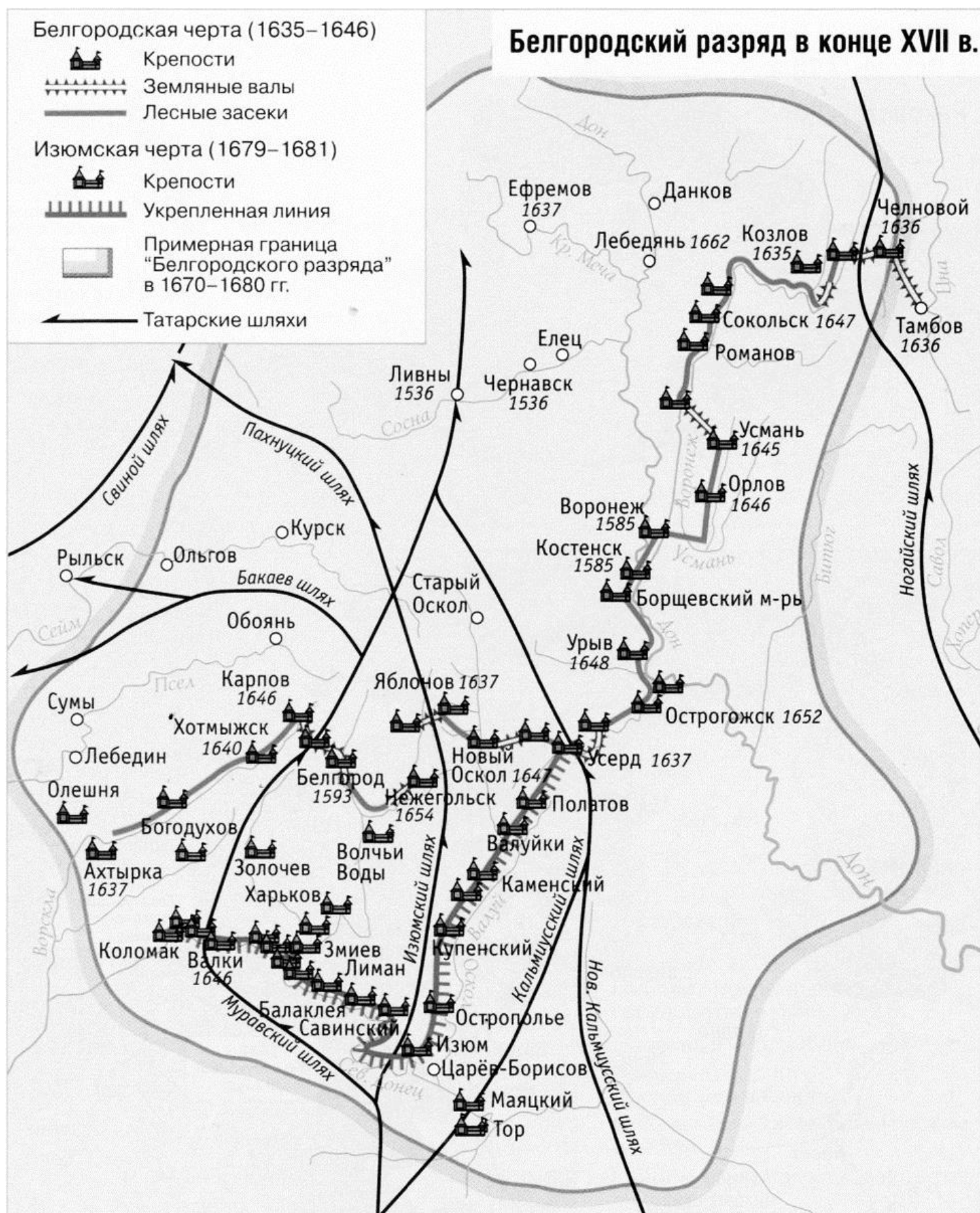
Образованный в 1658 г. и благополучно просуществовавший до петровских преобразований начала XVIII в., Белгородский московский стрелецкий приказ (с 1680 г. – полк) занимает особое место в ряду других вооруженных формирований. Боевой путь белгородских стрельцов значительно длиннее, драматичнее и ярче судьбы многих иных воинских частей той эпохи. Сохранившиеся документы позволяют нам детально проследить полковую историю Белгородского приказа московских стрельцов с самого начала его формирования до упразднения стрелецкого войска.

Специальных исследований, посвященных белгородским стрельцам XVII столетия, в отечественной историографии не было. Кроме ранее опубликованных документов, имеющих отношение к рассматриваемой теме, в настоящей работе широко использованы архивные материалы, хранящиеся в РГАДА, прежде всего - Столбцы Белгородского стола Разрядного приказа (Ф. 210).

Стрелецкая «колонизация» юга России в 30-е – 40-е годы XVII в.

Историю белгородских московских стрельцов следует вести с 40-х гг. XVII в., когда после неудачной Смоленской войны 1632-1634 гг. правительство царя Михаила Федоровича взяло курс на освоение Степи. С середины 30-х гг. XVII в. началось интенсивное укрепление южной границы Московского государства: строились новые города-остроги - Козлов (1635 г.), Усерд (1637), Яблонов (1637), Чугуев (1638-39), Хотмыжск (1640), Вольный (1640) и другие¹. Новая укрепленная линия, впоследствии получившая название «Белгородской засечной черты» или просто Черты, должна была стать надежной защитой от частых набегов крымских татар, ногайцев и украинских казаков (черкасов). Для прикрытия строительства новых городов к южной границе каждый год высылались не менее двух приказов московских стрельцов. Так, например, в 1640 и 1642 гг. в Яблонове находилось 1000 московских стрельцов, в Чугуеве – 300 московских стрельцов. Они стояли на южных рубежах с апреля по октябрь практически ежегодно².

В соответствии с царскими указами в новые города переселялись служилые люди различных категорий из Ливен, Курска, Ельца, Орла и др. Переселение на новые, необжитые места, естественно, нравилось не всем. Приходилось заводить новое хозяйство, практически бросив все нажитое имущество на старом месте. При этом так называемые «подъемные» деньги не всегда окупали затраты на переезд и дворовое строение. Многие переселенцы под разными предлогами старались уклониться от вынужденного путешествия, слали многочисленные челобитные, нанимали вместо себя вольных людей, среди которых оказывались бражники, зернщики (бражники – пьяницы, от слова «брага», зернщики – игроки в азартную игру, «зернь» или кости – А.Р., И.Б.) и прочие не совсем благонадежные люди, которые при первых трудностях пускались в бега³.

Белгородский разряд в конце XVII в. Современный рисунок

В то же время в старых южных городах многие служилые люди гибли в боях и походах или были взяты в полон татарами. При этом большую часть оставшихся, в основном «добрых и семейных», переводили в новые города, а бедные и одинокие разбредались от голода и нужды.

На южных рубежах особенно ощущался недостаток служилых людей, как в новых южных городах, так и в старых⁴. Еще в 1640 г. московские стрельцы добровольно были поселены в Яблнове и устроены там в казачью службу⁵. Московские стрельцы писались в казаки (т.е. в конную службу) и переселялись в южные города и в 1641-1642 гг. Однако более или менее укомплектовать казаками удалось только Яблнов. Местного воинского контингента не хватало не только для содержания новых крепостей, но и для прикрытия границы. Так, при построении Усерда в нем планировалось разместить 500 казаков и стрельцов из переселенцев и вольных людей⁶. Однако планы правительства столкнулись с банальной нехваткой людей, способных обращаться с оружием. При проверке в 1643 г. оказалось, что в Яблнове было только 458 казаков и 118 стрельцов, в Короче, соответственно, 190 и 26; в Усерде службу несли только казаки – 330 чел., в Чугуеве было казаков 223, стрельцов 103, в Хотмыжске – 136 стрельцов, в Вольном – 217 казаков и 46 стрельцов⁷.

Хроническая нехватка местного воинского контингента, проблемы с переселением служилых людей на юг, постоянные челобитные воевод о малочисленности сил в гарнизонах городов приводили к тому, что царское правительство было вынуждено ежегодно посылать на южную границу значительные контингенты московских стрельцов.

В 1643 г. на заседании Боярской думы был поднят вопрос: какое количество денег и хлеба потрачено на содержание «прибылым людям» в Яблнове, Короче, Усерде, Чугуеве, Хотмышском и Вольном⁸. Обсуждение свелось к тому, что если московских стрельцов в новые города и «впредь посылать» и им «будет в дальних проездах волокита», то Государевой казне в хлебном жаловании, в месячном корме и в подводах будут «убытки великие». Предлагалось сделать единовременную затрату и поселить в названных городах

1100 московских стрельцов, выдать им на дворовое строение единовременное пособие и жалование только за один год. Эта мера должна привести к тому, что «Государевой казне лишних убытков не будет», а сами стрельцы дворы себе построят и пашни заведут. Предложение было одобрено царем, и 10 декабря 1643 г. последовала «память» об устройстве в Яблони, Усерде, Короче, Чугуеве, Вольном и Хотмыжске 1200 московских стрельцов. Для наделения их землей был командирован стрелецкий голова Богдан Озеренский. Он так же должен был купить 8000 четвертей ржи и овса на хлебное жалование⁹. Московским стрельцам, которые были высланы в Яблонь, Усерд, Вольное и Хотмыжск, было выделено на двух человек по подводе с проводником¹⁰.

За период 1639-1648 гг. в Чугуев, Карпов, Болховой, Яблонь, Усерд, Верхососенск, Царево-Алексеев, Хотмыжск и Вольный было переведено свыше 1100 стрельцов из других городов и 1100 стрельцов из Москвы¹¹. Если в 1639-1640 гг. на южной границе находилось 5734 стрельца, то в 1651 г. там уже числилось уже 8761 стрельцов¹².

Согласно «Смете военных сил Российского государства 1651 г.» в Яблони в то время числилось 2 чел. голов, 10 сотников, 300 стрельцов, «да стрельцов и казаков другого приказа 546 чел.», в Усерде – 1 голова, 277 стрельцов, 277 казаков; в Чугуеве с сотником 272 стрельца, 161 казак; в Вольном с сотником 191 стрелец, 228 казаков; в Хотмыжске 264 стрельца, 328 казаков. Московские стрельцы, переселенные в южные города, объединялись в отдельные сотни. Они не смешивались со «сведенцами» (т.е. сведенными) из других городов и, скорее всего, ведались в Стрелецком приказе (по крайней мере, до 1658 г.). Наряду с возникшими в конце 40-х гг. XVII в. комарицкими драгунами, стрелецкие гарнизоны на юге Московского государства стали «основными постоянными гарнизонными частями. Они несли оборонительную городскую службу, охраняя крепости, прикрывавшие наиболее важные пути, татарские шляхи, ведущие из Крыма в центральные районы Русского государства»¹³.

Московская башня Белгородского кремля в 1695 г. Реконструкция. Рисунок из книги:
Ильин А.И., Лимаров А.И. Белгородский Кремль (конец XVI - середина XVIII вв.) Харьков,
2008

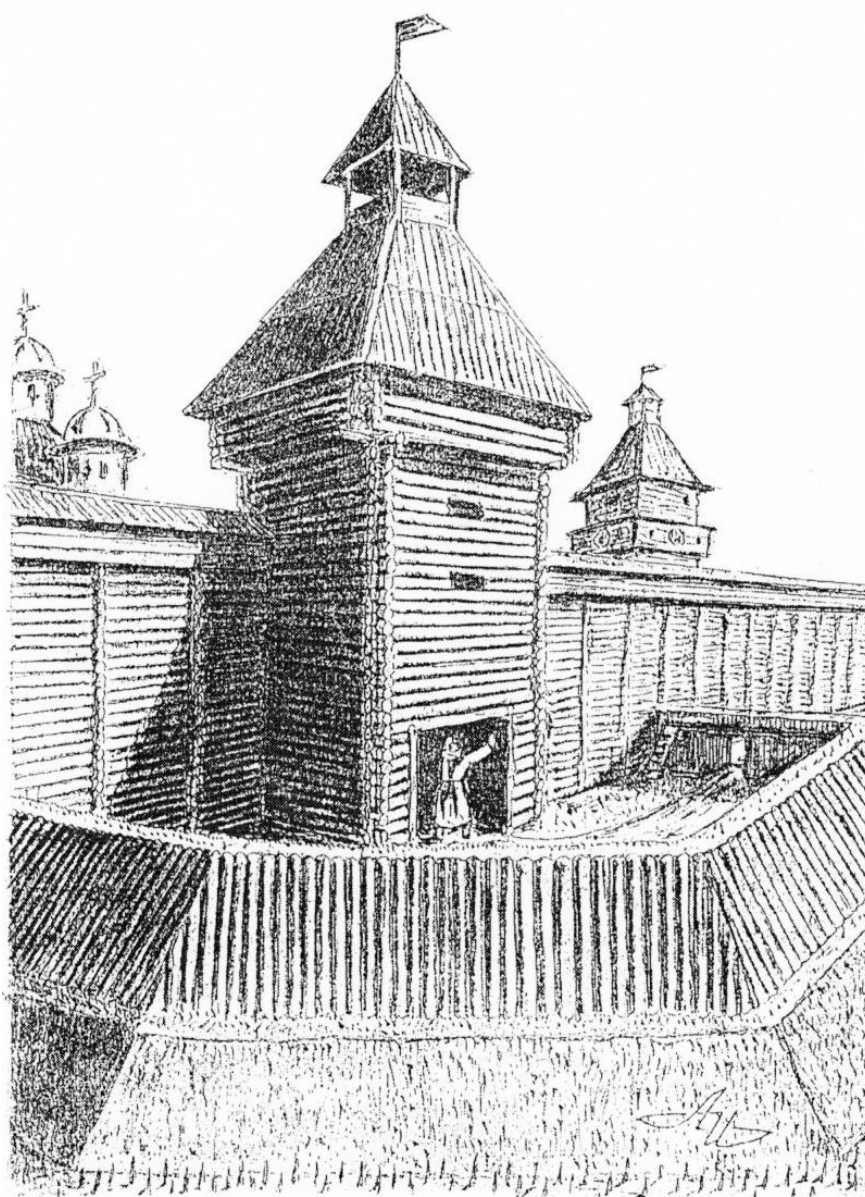
На начальном этапе русско-польской войны 1654-1667 гг. московские стрельцы-сведенцы, скорее всего, оставались в местах своего поселения для охраны степной границы от возможных набегов крымских татар и ногайцев. Таким образом, в результате переселенческих мероприятий царского правительства степные рубежи государства получили более надежную защиту. Необходимость ежегодных командировок стрелецких приказов из столицы на Черту постепенно отпала.

Организация (формирование, численность, структура, комплектование и полковые командиры)

22 июня 1677 г. царь Федор Алексеевич указал боярину кн. Ю.А. Долгорукову и дьякам выписать в Стрелецком приказе «в котором году московские стрельцы в Яблонов на вечное житье з женами и з детьми с Москвы посланы и сколько человек, и по которое число годовым денежным и хлебным жалованьем в Стрелецком приказе они были ведомы, и посколку на год давано им ис Стрелецкого приказа денежного и хлебного жалованья против московских стрелцов». Согласно выписке «из расходных книг прошлых 151 и 152 (1643-1644) годов в Яблонов послано московских стрелцов на вечное житье пять сот человек, государева годового жалованья давано им по 166 (1658) год, как они ведомы были в Стрелецком приказе»¹⁴.

Однако сами белгородские стрельцы в челобитной царю Федору Алексеевичу писали, что первоначально они были переселены из Москвы в три города –Яблонов, Хотмыжск и Вольный: «в прошлом во 151 и во 152 годах по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича... по наряду из Стрелецкого приказа на черту в Яблонов, в Хотмышской, на Волной послано московских стрелцов на вечное житье 500 человек...». По словам стрельцов, сведены они были из Москвы в «государевы украинные города... з женами и з детьми на вечное житье из розных приказов»¹⁵. Таким образом, с учетом указанного числа, еще 600 стрельцов (из

1100 чел.) должны были быть поселены в Усерде, Чугуеве и Короче. Однако данных о переводе московских стрельцов в Корочу обнаружить не удалось. Непосредственно в Яблонов, вероятно, поселили 300 чел., а в остальные названные города по 200 чел. Упоминания в источниках стрелецких голов в Яблонове говорит о наличии там целого приказа. В остальных названных городах, скорее всего, располагались отдельные сотни под началом сотников. Вероятно, впоследствии они утратили свой «столичный» статус, поскольку только белгородские стрельцы продолжали именоваться «московскими».

Везеницкая башня Белгородского кремля в 1695 г. Реконструкция. Рисунок из книги: Ильин А.И., Лимаров А.И. Белгородский Кремль. Харьков, 2008

Следует пояснить, что до 1656 г. центром новой засечной черты (в дальнейшем получившей название Белгородской) на южной границе был город Яблонов (ныне – с. Яблоново, недалеко от Белгорода). Однако затем место Яблонова занял более стратегически важный Белгород. Перемещение главного воеводского центра повлекло за собой и перемещение яблоновского стрелецкого приказа, который на постоянной основе выполнял полицейские и представительские функции на южной границе. Вероятно, первоначально переселение московских стрельцов на степную границу преследовало цель увеличения общей численности стрелецкого войска на юге страны. Однако затем, с формированием единого центра командования и управления новой засечной чертой, сначала в Яблонове, а затем – в Белгороде, появилась потребность в постоянном, дисциплинированном и боеготовом подразделении, способном не только взять на себя представительские функции на южных рубежах, но и выполнять задачу охраны главнокомандующего всеми воинскими силами Белгородского полка или разряда, в т.ч. выполнять функцию охраны его штаба.

Белгородский полк – крупное воинское соединение частей и гарнизонов всех укреплений Белгородской черты под единым руководством, способное не только отражать вторжения противника, но и вести активные наступательные действия - был создан в конце мая – начале июня 1658 г. в ходе проводимой правительством военно-административной реформы на юге России. В состав Белгородского полка вошли воинские силы, расположенные в 38 южных городах России (Белгород, Яблонов, Курск, Орел, Воронеж, Белев, Болхов, Мценск, Елец, Старый Оскол, Кромы, Усерд, Карпов, Козлов, Ливны, Верхососенск, Ефремов, Коротояк и другие). Формирование Белгородского полка повлекло за собой образование крупного военно-административного округа – Белгородского разряда.

Воеводой (т.е. командующим) создаваемого Белгородского полка был назначен уже известный военачальник, окольный князь Григорий Григорьевич Ромодановский, которому были подчинены все другие воеводы

Белгородской черты. Для смотра и разбора служилых людей Белгородского разряда весной 1658 г. был послан из Москвы думный дьяк Семен Заборовский. Тогда же бывшие яблоновские, хотмыжские и воленские (т.е. из города Вольный – Р.А., И.Б.) московские стрельцы были переведены в Белгород.

Первым стрелецким головой белгородского приказа стал стряпчий Климентий Алексеевич Иевлев. Согласно челобитной стрельцов белгородского приказа Клементия Алексеева сына Иевлева: «в прошлом 166 (1658) году по царскому указу и по разбору думного дьяка Семена Ивановича Заборовского взяты мы в Белгород на вечное житье и велено нас в Белгороде ведать ему, Клементию»¹⁶. 8 июня 1658 г. думный дьяк С.И. Заборовский и дьяк С. Титов в качестве представителей правительства официально передали в Белгороде под командование воеводы Г.Г. Ромодановского все вооруженные силы Белгородского полка в составе 19 252 человек¹⁷. Из ведомства Стрелецкого приказа стрельцы перешли в подчинение Белгородского разряда.

Таким образом, фактически мы имеем точную дату формирования белгородского стрелецкого приказа. С того времени, по словам стрельцов, как переведены они «ис тех городов в Белгород на вечное житье з женами и з детьми», служат они «великому государю в Белгородцком полку з боярином и воеводами со князем Григорьем Григорьевичем Ромодановским с товарищи летние и зимние службы по все годы...»¹⁸.

Созданный в 1658 г. белгородский приказ московских стрельцов первоначально насчитывал 6 сотен и состоял из 600 человек¹⁹. Командные кадры состояли из стрелецкого головы, сотников, пятидесятников и десятников. В отличие от других московских стрельцов в белгородском приказе не было полуголовы²⁰. Отсутствие полуголовы наводит на мысль о том, что приказ был сформирован по старым штатам, существовавшим до 1656 г., когда у московских стрельцов не было полуголов. В 1658 г. в приказе было 12 пятидесятников по 2 на сотню²¹.

В 1660 г. численность приказа решили довести до 700 чел. Однако по смотру («Росписи перечневой») от 14 августа 1661 г. в Белгороде все еще было «Московского приказу стрелцов 600 человек»²². На смотре в сентябре 1662 г. в приказе были: голова, 5 сотников и 600 стрельцов²³. В дальнейшем, во второй половине 60-х гг. в белгородском приказе под началом головы Ивана Волкова мы видим уже 700 стрельцов. Так, например, по смотру белгородского воеводы кн. Ю.Н. Барятинского от 22 августа 1666 г. приказ делился на 7 сотен (сотники: Иван Некрасов, Иван Булавкин, Офонасей Некрасов, Михайла Кобелев, Нефед Выродов, Иван Долженков, Гаврила Рябин). В каждой сотне был один пятидесятник, который в случае отсутствия сотника замещал его (пятидесятники: Никон Аносов, Гаврила Яковлев, Игнатей Кузмин, Максим Киселев, Павел Бренцов, Матвей Самойлов, Семен Зимков). Всего Иванова приказу Волкова «объявилось на смотре сотников 4, пятидесятников и десятников и рядовых стрелцов 637 человек». Того же приказа в «нетех», т.е. на момент смотра в строю не оказалось - 3 сотника и 23 стрельца²⁴. Следует отметить, что в отличие от полков солдатского строя стрелецкие приказы отличались более строгой дисциплиной и практическим отсутствием случаев дезертирства. Поэтому неявка тех или иных лиц на момент смотра обычно означала наличие у них для этого уважительной причины. Из вышеуказанных сведений можно сделать вывод, что в 1666 г. в каждой сотне был только один пятидесятник, что, вероятно, связано с уменьшением расходов на содержание приказа. Это обстоятельство увеличило разницу в структуре белгородского приказа и других московских приказов, в которых на каждую сотню по-прежнему приходилось по 2 пятидесятника.

В 1668 г. в Белгородском приказе Ивана Волкова числилось пятидесятников, десятников, рядовых и слободчиков 962 чел²⁵. Под «слободчиками», вероятно, следует понимать внештатный рядовой состав из отставных стрельцов, которые постоянно находились в слободе, обеспечивая в ней охрану и правопорядок, когда приказ находился в походе. Известно также, что в феврале 1671 г. в войске Ромодановского под началом стрелецкого

головы было 5 сотников и 622 белгородских стрельца²⁶. Как отметил М.Ю. Романов, трудности, возникающие «при массовых стрелецких наборах, побуждали правительство предпринимать меры по созданию постоянной социальной базы, способной автоматически пополнять ряды стрелецкого войска... Сама служба становилась не только пожизненной, но и наследственной. Впоследствии списки стрелецких детей велись по полкам в Стрелецком приказе и ежегодно обновлялись»²⁷. Видимо, и сами стрельцы обучали своих детей навыкам службы и обращению с оружием.

Согласно «смотренному чигиринскому списку боярина и воевод 184 (1676) и 175 (1677) годов Белгородских московского приказу стрелцов 768 человек. А по сказке челобитчиков Офонки Данилова да Ондрюшки Сидорова ныне их в московском приказе 800 человек, потому что де боярин и воеводы после розбору пописали в службу последних детей и братью...»²⁸. Отсюда следует, что, как и в прежние времена, комплектование приказа новоприборными стрельцами происходило в основном за счет их братьев, племянников, детей и иных родственников.

Что касается обучения молодых стрельцов, то их учили по тем же самым уставам, что и ратных людей солдатского и драгунского строя. Так, например, известно, что в 1663 г. при наборе новоприбранных стрельцов в приказ Матвея Шишкина, воевода П.В. Шереметев велел их «учить пехотному строю и стрельбе, чтоб были навичны»²⁹.

По данным на октябрь 1677 г. в белгородском приказе фактически было уже 8 сотен и 800 стрельцов (включая 16 пятидесятников, 64 десятника и 720 стрельцов)³⁰. Приказ в Киевском походе на 28 июля 1679 г. насчитывал 6 сотников и 672 стрельца³¹. Согласно смете 1681 г. приказ состоял из 790 человек, включая полковника и 10 капитанов³².

Расположение Стрелецкой слободы в Белгороде во втор. пол. XVII в. Рис. Бабулина И.Б.

Стрелецкая слобода приказа располагалась к югу от белгородской крепости, между городским валом и рекой Везелкой. Строительство стрелецких дворов, начатое в 1658 г., из-за мятежа гетмана И. Выговского на Украине и участия стрельцов в боях с казаками и крымскими татарами, затянулось до лета 1660 г. 18 мая 1660 г. Ромодановский писал в Москву о том, что по царскому указу велено «Клементьева приказу Иевлева стрелцом штисот человеком строитца дворами на вечное жительство в Белгороде». Для этого «дворового строенья» дал он «тем стрелцом по пять рублей человеку» из той «денежной казны, которая прислана в Белгород в нынешнем во 168 году». Однако по новому царскому указу: «велено Клементьева приказу Иевлева стрелцов прибрать к прежнему и устроить в Белгороде на вечное жительство семь сот

человек»³³. Поскольку денег на устройство седьмой сотни не было, вопрос увеличения численности приказа на некоторое время был отложен.

К августу 1660 г. стрелецкий голова Климентий Иевлев, согласно его «сказке», уже построил стрелецкую слободу в Белгороде на 600 дворов в три месяца, правда, приказной избы еще не было, и наказания он был вынужден проводить у себя на дворе³⁴. По данным на 1670-е годы известно: «московских стрелцов 751 человек служат з государева денежного и хлебного жалованья, живут в Белгороде на посаде, дворами построены за валом на реке Везелице. А пашенные земли за ними есть ли того в розрядных книгах не написано»³⁵. Согласно М.Ю. Романову, «дворовое хозяйство стрельцов мало чем отличалось от подворий простых горожан. Обычно это были двухъярусные срубы – «изба да клеть, на подклете меж ними сени», находившиеся в окружении хозяйственных построек – погребов, амбаров, сушил и т.п. Некоторые могли иметь дополнительные жилые помещения»³⁶.

Поселение стрельцов особой слободой на посаде явилось «основной формой их организации. Оно доставляло, с одной стороны, способ держать стрельцов, в отличие от служилого дворянства, компактной массой в определенном пункте военно-административного или стратегического значения и требовать от них непрерывной службы, с другой — обеспечивало стрельцам возможность занятия торговлей или ремеслом на посаде, или сельским хозяйством на окологородных землях»³⁷. В стрелецкой слободе была своя съезжая изба (штаб полка), где хранились деловые бумаги, поручные записи (письменные обязательства, например, верно служить государю), полковые знамёна, трубы и барабаны, и, как правило, своя полковая церковь, обычно деревянная. Знаменосцы и барабанщики выбирались из рядовых стрельцов.

Постоянное место дислокации всего личного состава приказа в одной слободе означало, что стрельцы фактически все время находились на службе. Собирать их заранее, как полки нового строя, не было необходимости, поскольку в любой момент эта воинская часть была готова к походу.

Перечень установленных нами полковых командиров белгородских стрельцов выглядит так:

Полковые командиры (стрелецкие головы):

Иевлев Климентий Алексеевич 1658-1664 гг.

Волков Иван Хрисанфович 1664 -1673 гг.

Левшин Илья Богданович 1673-1677 гг.

Логинов Игнатий Никитич 1677-1678 гг.

Авдеев Лука Андреевич 1678 г.

Логинов Игнатий Никитич 1678-1679 гг.

Горюшкин Григорий Иванович 1679-1682 гг.

Климентий Иевлев до того, как возглавить Белгородский приказ, успел отличиться на дипломатическом фронте: в 1655 г. был послан в Швецию с грамотой к королю Карлу X Густаву³⁸, а двумя годами позднее привез грамоту польского короля к царю Алексею Михайловичу³⁹. Иевлев командовал стрельцами в походах против изменивших царю гетманов И. Выговского в 1658-1659 гг. и Ю. Хмельницкого в 1662 г., а затем в кампании против армии польского короля Яна Казимира зимой 1663-1664 гг. Несмотря на три боевых ранения он был снят с должности по многочисленным челобитьям на него стрельцов⁴⁰ за различные злоупотребления властью, а впоследствии получил известность и как один из руководителей осады Соловецкого монастыря в 1672-1673 гг.

Ивану Волкову довелось руководить стрелецким приказом в боях на Украине в период борьбы с гетманами И. Брюховецким и П. Дорошенко в тяжелой военной кампании 1668 г.

Илья Левшин командовал белгородскими стрельцами во время двух походов русской армии к Чигирину в 1674 и 1676 гг., участвуя в боях с казаками П. Дорошенко и крымскими татарами.

В 185 (1676/77г.) г. Илью Левшина сменил Игнатий Логинов⁴¹, бывший головой у белгородских стрельцов, по всей видимости, до 1679 г. (с перерывом в 1678 г., когда приказ был под началом жильца Луки Авдеева⁴²). Таким

образом, если в Чигиринском походе 1677 г. стрельцы были под началом Логина, то в походе 1678 г., как следует из сохранившихся документов, ими командовал Авдеев.

В 1679 г. белгородский приказ московских стрельцов возглавлял уже Григорий Горюшкин⁴³. 15 мая 1682 г., во время Стрелецкого бунта в Москве, он находился в Кремле и был убит разъяренными стрельцами⁴⁴.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что главное отличие белгородских стрельцов от провинциальных стрелецких приказов состояло в том, что этот приказ был сформирован из московских стрельцов, переселенных в южные города «на вечное житье». Вероятно, первоначально переселение московских стрельцов на степную границу преследовало цель увеличения общей численности стрелецкого войска на юге страны. Однако затем, с формированием единого центра командования и управления новой засечной чертой, сначала в Яблоне, а затем – в Белгороде, появилась потребность в постоянном, дисциплинированном и боеготовом подразделении, способном не только взять на себя представительские функции на южных рубежах, но и выполнять задачу охраны главнокомандующего всеми воинскими силами Белгородского разряда, в т.ч. выполнять функцию охраны его штаба. Эта задача становилась особенно актуальной в период роспуска большей части полков нового строя в условиях зимнего времени и позволила сохранить «московский статус» только тем стрельцам-переселенцам, которые оказались в Белгороде. Единое место дислокации личного состава приказа в отведенной ему слободе у городских валов Белгорода способствовало тому, что стрельцы фактически постоянно находились на службе, готовые к немедленному исполнению различных поручений и «посылок».

Успенско-Николаевский собор (1693-1703 гг.) – старейший из сохранившихся храмов
Белгорода

«Государево жалованье» (материальное обеспечение)

а) Денежное и хлебное жалование

Старшие стрелецкие командиры (голова и сотники) являлись представителями дворянского сословия. Они имели высокие денежные и поместные оклады, не отличающиеся от аналогичных окладов столичных чинов. Что касается младших командиров (пятидесятников и десятников) и рядовых стрельцов белгородского приказа, то их материальное обеспечение с течением времени значительно менялось. О порядке назначения пятидесятников и десятников из рядовых стрельцов, повышения по службе за личные заслуги сведений крайне мало, т.е. данный вопрос фактически не изучен. Можно лишь отметить, что материальное положение младших командиров не сильно отличалось от рядового состава.

Согласно челобитным белгородских стрельцов, с самого переселения их из Москвы в Яблонев, Хотмыжск и Вольный: «...ведомы они были в Стрелецком приказе и давано им годового жалованья пятидесятником денег по 6 рублей, ржи по 10 четей с осминою, овса потомууж; десятником по 5 рублей, ржи по 10 четей бес полуосмины, овса потомууж; рядовым по 4 рубля, ржи по 9 четей, овса потомууж»⁴⁵. После того, как стрельцы были переведены в Белгород в 1658 г., денежное и хлебное жалование выплачивалось им в том же размере.

В мае 1660 г. Ромодановский писал в Москву, что стрелцы Иевлева «безпрестанно приходят» в съезжую избу и «бьют челом» о «денежном и хлебном годовом жалованье на прошлой 167 (1659) год и на нынешний 168 год, что им без того государева жалованья прокормиться нечем... потому, что хлеб купить дорого»⁴⁶. Длительный перерыв в даче жалованья был вызван тем, что в июле 1659 г. большая часть стрельцов белгородского приказа попала в плен к выговцам в Лохвице. Разряд, вероятно, посчитал эту боевую часть прекратившей свое существование. Вышедшим же из плена воевода не мог дать жалованья, поскольку не имел для этого ни царского указа, ни необходимых средств.

Описывая свое крайне тяжелое материальное положение, стрельцы писали в челобитной: «от полонного черкасского терпенья, как они взяты были в полон из Лохвицы» стали они «бедны и нужны, многие их братья стрелцы з бою ... скитаются и бродят меж двор». Ромодановский писал царю, что ему «стрелцам Клементьева приказу Иевлева твоего государева годового денежного и хлебного жалованья ... на прошлой 167 и нынешний 168 год дать нечего», потому, что на стрельцов «денежной казны не прислано» и просил указа о денежном жалованье для них⁴⁷. Разряд откликнулся на нужды белгородских стрельцов, снабдив их денежным и хлебным жалованьем в прежнем размере.

В 1666 г., когда для царского правительства стало очевидным скорое окончание русско-польской войны, в Москве задумались о мерах по удешевлению содержания постоянных войск, в результате чего стрельцам решили уменьшить денежное и хлебное жалованье, а также выделить землю тем, у кого ее не было. Как писали сами стрельцы: «... во 174 (1666) и во 175 (1667) годы учинено им годового жалованья пашенным и непашенным пятидесятником по 4 рубли, десятником по 3 рубли с полтиною, рядовым по 3 рубли человеку», им же велено дать «беспашенным 449 человеку» хлебного жалованья: пятидесятникам по 7 четей, десятникам по 6 четей с осминою, рядовым по 6 четей ржи, «овса по тому же человеку». Кроме того, «впредь непашенных стрелцов велено устроить землями в Белгородском уезде против пашенных стрелцов, в которых местах пристойно»⁴⁸.

По видимому наделение стрельцов землей шло не слишком успешно, поскольку на 176 (1668) г. боярину и воеводам приказано дать белгородским беспашеным стрельцам 431 человеку «хлебного жалованья и на 176 год дать сколько доведетца по рассмотренью». В перспективе предполагалось совсем лишить стрельцов хлебного жалованья, чтобы стрельцы сами обеспечивали себя хлебом: «чтоб доконечно тех стрелцов вместо хлебного жалованья землями устроить в которых местах пристойно». Разряд спрашивал воевод, устроены ли «непашенные стрелцы землями», поскольку о том «к великому государю из Белагорода неписано»⁴⁹.

Фактически белгородских стрельцов лишили их «столичного» жалованья и приравняли к севским городовым стрельцам, о чем позднее первые обиженно писали царю: в 1666 г. «учинено его государева жалованья годового белгородским стрелцом пашенным 661 человеку против севских стрелцов пятидесятникам по 4 рубли, десятникам по 3 рубли с полтиною, рядовым по 3 рубли человеку...»⁵⁰.

Несмотря на окончание долгой войны с Речью Посполитой, наступивший 1668 г. оказался далеко не мирным. В результате мятежа гетмана И. Брюховецкого и истребления царских гарнизонов в украинских городах, белгородским стрельцам, вместе с другими полками русской армии, снова пришлось участвовать в военных действиях. Как справедливо отметил А.В. Малов, чем «чаще и регулярнее приборные служилые задействуются на службах, тем в большей степени они зависимы от кормового жалованья, тем меньше их возможности по самообеспечению»⁵¹. Вероятно, в связи с этим обстоятельством, по указу Великого государя белгородский приказ снова было велено ведать в Стрелецком приказе⁵².

29 июля 1670 г. князь Ромодановский с товарищами писали в Москву, что «великого государя хлебного жалованья белгородским стрелцом на 178 год велели они дать беспашенным по окладу сполна, а пашенным на 178 год на полгода», поскольку «они были на государеве службе с 176 (1668) году безпрестанно, а дети де их и братьи все взяты в стрелецкую службу и без них пашен их пахать было некому». Таким образом, совсем лишить пашенных стрельцов хлебного жалованья не получилось. Воевода спрашивал Разряд, как ему действовать в дальнейшем, если «впредь пахотных стрелцов в походы имать и без них пашен пахать по тому ж будит некому, и тех пашенных стрелцов в походы имат ли, и в то время как будут в походе хлебное жалованье им давать и великий государь велел бы о том свой указ учинить»⁵³. Иными словами, князь просил разъяснения: брать ли ему в дальние походы стрельцов, наделенных землей; давать ли им хлебное жалованье, когда они будут в походе?

Урезание денежного и хлебного жалованья сказалось на материальном положении стрельцов. Они продолжали посылать челобитные в столицу о восстановлении им прежних окладов, таких же, как у московских стрельцов. Отчасти добиться справедливости и восстановления прежнего статуса белгородцам удалось только после начала русско-турецкой войны 1672-1681 гг.

В 1677 г. стрельцы писали новому царю Федору Алексеевичу, ссылаясь на «многие службы» и «большую скудость», о том, что до 1666 г. «годовое денежное и хлебное жалованье в Белгороде давано им против московских стрельцов, а с прошлого со 174 году (1666) дают им годовое жалованье перед прежним с убавкою: пятидесятникам денег по четыре рубли, ржи по семи четей; десятником по три рубли с полтиною, ржи по шти четей с осминою; рядовым денег по три рубли, ржи по шти четей, овса по тому ж человеку, да соли по пуд человеку на год. И им тех денежным и хлебным и соленым жалованьем прокормитца нечем, потому (что) безпрестанно бывают на государевых службах в малороссийских городах в полку по все годы».

Из челобитной видна также судьба пашенных земель, которыми правительство пыталось снабдить стрельцов вместо хлебного жалованья. Стрельцы писали, что «в прошлых годах велено было боярину и воеводам вместо хлебного жалованья устроить их пашенными землями, и не многим де им даны были пашенные земли, а иным не даны, и которым де даны и тем пашенных земель пахать за государевыми службами некогда, безпрестанно они бывают в полку на службах, и те де пашенные земли у них взяты и отданы в роздачу и ныне у них пашенных земель нет, и служат з денежного и хлебного жалованья, и чтоб великий государь пожаловал за их многие службы за кровь и за раны и для их скудости велел им свое государево денежное и хлебное годовое жалованье и соль давати против московских стрельцов, чтоб им за скудостми в предь его государевой службы неотбыть»⁵⁴.

В Разряде посчитали, что «по меньшому окладу 174 (1666) году ныне дают им в Белгороде на год денег по 2448 рублей, ржи по 4858 четей, овса потомуж.

А по справке стрелецким приказом на Москве ныне дают годового жалованья московским стрелцом:

пятидесятником денег по 7 рублей, ржи по 12 четей,
 десятником по 6 рублей, ржи по 11 четей с осминою,
 рядовым по 5 рублей, ржи по 10 четей,
 овса потому ж человеку».

Если великий государь пожалует белгородских московского приказа стрельцов и «велит им давать свое денежное и хлебное жалованье против прежнего, как давано им в Белгороде до 166 году... ныне прибавить доведетца денег 1648 рублей, ржи 3614 четей, овса тож»⁵⁵.

В другой челобитной царю Федору Алексеевичу (1677 г.) московские стрельцы «Игнатьева приказу Никитича Логинова пятидесятники, десятники и все рядовые всем приказом восьмьсот два человека» писали следующее: «помираем голодною и студеною смертью и совсем обеднели, наги и босы...»⁵⁶. По словам стрельцов, выдаваемым им денежным жалованьем они «промеж своей братьи московских стрельцов оскорблены», поскольку дают им «пятидесятникам по четыре, десятником по три с полтиной, рядовым по три рубли человеку...»⁵⁷.

Царь Федор Алексеевич пошел навстречу белгородским стрельцам и после удачного завершения Чигиринского похода 1677 г. и повысил им размер денежного жалованья. От жалованья столичных стрельцов оно все же отличалось в меньшую сторону.

«186 году октября в 8 день великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич... пожаловал белгородских московского приказу стрельцов за их многие службы и за раны и за частые многие полковые походы, велел им свое государево жалованье денежное и хлебное на нынешней на 186 (1677) год дать и впредь давать погодно в Белгороде из доходов Белгородцкого полку городов перед прежних окладов с прибавкою, пятидесятником денег по пяти рублей да хлеба ржи по осми чети, овса тож, человеку; десятником денег по 4 рубли с полтиною да хлеба ржи по семи четей, овса тож, человеку; рядовым денег по

четыре рубли да хлеба ржи по шти четей с осминою, овса тож, человеку, на год в отдаточную меру и о том послать свою государеву грамоту...». В указе, однако, оговаривалось, что тем стрельцам, «которые в походах не бывают», белгородский воевода должен «давать жалованье по своему рассмотренью»⁵⁸. 26 октября 1677 г. по царскому указу «велено дать государево жалованье» белгородским стрельцам: 16 пятидесятникам, 64 десятникам и 720 рядовым. Всего 800 человекам⁵⁹.

Относительно иных источников дохода можно предположить, что в связи с постоянными «летними и зимними службами», у стрельцов оставалось очень мало времени на занятие торговлей и ремеслами. Это в свою очередь, вело к тому, что, несмотря на все их отличия и боевые заслуги, белгородцы находились в гораздо более трудном материальном положении, чем стрельцы столичного гарнизона.

На основании изложенного следует, что основным источником материального обеспечения белгородских стрельцов в первые годы их существования было кормовое жалование. Большая часть стрельцов, к 1666 г. - три четверти, были «непашенными», а значит не отягощенными сезонными работами на земле в целях самобеспечения как другие служилые люди, зависевшие от дохода с земли. Это обстоятельство также способствовало тому, что данная воинская часть, не слишком крепко «привязанная» к земельным наделам, в любой момент была готова и к дальнему походу и «иным службам». Осуществленная в 1666 г. попытка правительства перевести всех белгородских стрельцов в разряд «пашенных», т.е. наделить их землей с целью сокращения размера денежного и хлебного жалованья, в условиях непрекращающихся боевых действий не могла быть удачной. Она негативно сказалась не только на материальном положении стрельцов, но и на их мобильности. Недовольные этой реформой, стрельцы продолжали посылать челобитные в столицу о восстановлении им прежних окладов, таких же, как у московских стрельцов. Отчасти добиться справедливости и восстановления прежнего статуса белгородцам удалось лишь только после начала русско-турецкой войны 1672-

1681 гг. К 1677 г. правительство полностью отказалось от идеи наделения «непашенных» стрельцов землей и изъяло земельные наделы у тех, кто их имел. Кормовое жалование снова стало основным источником материального обеспечения стрельцов.

б) Вооружение

В 40-е годы XVII в. московские стрельцы, по свидетельству ряда источников, были вооружены пищалью с кремниевым замком (самопалом) и шпагой⁶⁰. Иногда стрельцы покупали лошадей на свои средства. Так, например, в одной из челобитных с обвинениями головы Иевлева в злоупотреблениях властью 150 стрельцов писали, что «идучи к Конотопу» по его принуждению «лошади и седла и ружье и всякую служилую рухлядь и борошен покупали дорогою ценою, займав деньги...»⁶¹.

Лядунка – патронная сумка середины XVII века. Московская Оружейная палата

О вооружении белгородских стрельцов удалось найти данные на 1658-1663 гг. по сохранившейся отписке Ромодановского в Разряд о необходимости восстановления материального обеспечения стрелецкого приказа после выхода значительной части его бойцов из плена, куда они попали в июле 1659 г., когда изменившие царю украинские казаки сдали гетману Выговскому Лохвицу.

В своей отписке на имя царя от 12 декабря 1662 г., поданной в Разряд сотником приказа Иваном Некрасовым 6 января 1663 г., Ромодановский писал, что в прошлом 1659 году пошел он с товарищами из Лохвицы «всход под Конотоп» к князю А.Н. Трубецкому, «стрелецкий приказ для обереганья от неприятелей» был оставлен в Лохвице. После «большого Конотопского бою в приход Ивашки Выговского, Лохвица здалась ему Ивашке, и стрелцы Клементьева приказу Иевлева взяты были в полон, и были в полону за Днепром многое время, и по обиранию (гетманом – *И.Б.*) изменника Юраски Хмельницкого ис полону они отпущены, а знамена, государь, тово приказу, что присланы были с Москвы с Клементом Иевлевым, и их стрелецкие зипуны и ружье, что им дано было в Белгороде, и лядунки и протазаны и борованы, взяли у них изменники черкасы, как они взяты были в полон из Лохвицы...»⁶².

Далее Ромодановский характеризует бедственное состояние стрелецкого приказа, у которого, по его словам, не было ни кафтанов, ни оружия, ни знамен, ни барабанов. По состоянию на декабрь 1662 г., по словам воеводы «сукон на зипуны стрелцов, и протазанов, и борованов декабря по 12 число не прислано, и ныне... борованов и протазанов и у стрелцов ружья и мушкетов и лядунок и зипунов нет». При этом следует отметить активное участие стрельцов в кампании 1662 г. на Украине, а это означает, что какое-то вооружение и снаряжение у них все-таки было. Возможно даже они выступали в поход на самообеспечение. Воевода просил прислать в Белгород для приказа Климентия Иевлева, «знамен и протазанов и барабанов и на семь сот человек стрелцов, мушкетов и лядунок, и на зипуны сукна...»⁶³.

7 января 1663 г. царь Алексей Михайлович дал распоряжение окольничему и оружейничему Б. М. Хитрову, стольнику А. И. Нестерову и дьяку Б. Арефьеву «послать из Оружейного приказа семсот мушкетов з замки и с лядунками, да четырнатцать протазанов на древках в Белгород московских стрелцов Клементьева приказу Иевлева с сотником с Ываном Некрасовым мушкетов 700, лядунки тож; протазаны 14, барабаны тож...»⁶⁴. Число барабанов на приказ, а именно четырнадцат, скорее всего, означает, что каждая сотня имела по два барабанщика либо второй комплект барабанов был запасным.

27 января 1663 г. по государеву указу указанное вооружение и барабаны были посланы из Москвы в Белгород, а именно: «семсот мушкетов, лядунок тож, четырнатцать протазанов, четырнатцать барабанов...»⁶⁵.

Следует обратить внимание, что выше фактически описано вооружение «драгунского строя», так как оно было принято со Смоленской войны 1632-1634 гг. и до 1680 г., пока не упразднили драгун. Не хватает только шпаг. Все драгуны по Черте - и кормовые (до 1646 г.), и поселенные, даже в 1658 г. были вооружены укороченным и облегченным драгунским мушкетом, чаще всего с замком «русского» типа. При этом мушкет имел европейский калибр, то есть являлся более мощным оружием, чем тот, которым были вооружены все остальные служилые люди по Черте (стрельцы городовые, казаки, дети боярские). Мушкет носили не как карабин, на перевязи с крюком, а на «ремне мушкетном» через плечо (как у европейских драгун). Ну и лядунка - патронная сума с гнездами для заранее накрученных патронов, это стандартное снаряжение для русских драгун. Лядунку часто делали из красной кожи. Банделерами драгун снаряжали лишь в крайнем случае, если не было на складе лядунок.

Драгуны полков нового строя в 50-е годы XVII века. Рис. В. Типикина

Протазаны и барабаны также являлись неременным атрибутом драгунских полков. Иногда, кстати, поручикам и сержантам могли давать бердыши - если алебард и протазанов на складе не было. В своей более ранней отписке от 27 августа 1660 г. кн. Г.Г. Ромодановский просил о присылке в «новоприборный» стрелецкий приказ К.Иевлева на 700 чел. барабанов и протазанов, и по ней посланы были памяти в Стрелецкий и Оружейный приказы⁶⁶. Согласно М.Ю. Романову, протазанами были вооружены командиры

полусотен – пятидесятники⁶⁷. Учитывая, что на семь сотен дано 14 протазанов, можно согласиться с тем, что это оружие было только у пятидесятников. Сабли вместо шпаг предположительно появились в стрелецком войске в конце 1660-х гг.

Что касается бердышей, то они массово появились только в 1660-х гг., когда их производство наладили на Тульско-каширских заводах. Вместе с тем имеются неоспоримые свидетельства о том, что уже в 1659 г. не только московские, но и городовые стрельцы (в Киеве, Севске и др.) нередко вооружались бердышами⁶⁸, что позволяет выдвинуть предположение о возможном наличии бердышей и у белгородских стрельцов. Бердыши в то время, скорее всего, производились на местах. На конец 70-х гг. семнадцатого столетия имеются сведения о заготовке бердышей непосредственно в городах Белгородского полка⁶⁹.

В то же время происходят изменения стандарта в вооружении огнестрельным оружием: в 1640-х годах большая часть полевой пехоты на Черте - это драгуны, потому и стрельцов вооружают также, к тому же, видимо, планируется использовать их как едущую пехоту. К началу 70-х годов значительные потери в пехоте нивелируют всякие различия, стрельцы становятся обычными мушкетерами, и их вооружают из тех комплектов, которые в массе поступают в Белгород, то есть фитильными мушкетами. Хотя тут сведений явно недостаточно: возможен вариант смешанного вооружения, когда у части стрельцов - одни ружья, у части - другие. Это изменение стандарта в вооружении ни в коем случае нельзя считать понижением их статуса - это лишь уравнивание с прочими московскими приказами, которые фитильными мушкетами перевооружились уже в 1650-х годах⁷⁰.

Согласно описи городов 1678 г., было «принято в 185-м году у стрельцов Белгородского московского приказа 178 мушкетов с жаграми худых», - то есть в указанный период (1677-1678) белгородские стрельцы вооружены фитильными мушкетами⁷¹.

Что касается «полкового наряда», т.е. артиллерии, то в указанное время московские стрелецкие приказы имели по 6-8 пушек, которые обслуживали «специально придаваемые по случаю походов московские или городовые пушкари»⁷². Сведений о наличии полковых орудий в белгородском приказе в документах найти не удалось.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в третьей четверти XVII в. происходят изменения стандарта в вооружении стрельцов огнестрельным оружием: если в 1640-х годах большая часть полевой пехоты на Черте - это драгуны, потому и стрельцов вооружают так же, то к началу 70-х годов значительные потери в пехоте нивелируют всякие различия. Стрельцы становятся обычными мушкетерами, и их вооружают из тех комплектов, которые в массе поступают в Белгород - то есть фитильными мушкетами.

в) «Государево служилое платье»

Согласно исследованию А.В. Малова, «главным элементом Государева платья служилых людей пешего строя был кафтан. В России XVII в. кафтаном называлась основная в теплое время года верхняя носильная мужская одежда разных типов». Историк пишет, что «в большинстве случаев государевы служилые кафтаны пеших ратных людей по своему типу представляли платье, называвшееся в России XVII в. зипуном... опубликованные источники однозначно называют зипунами лишь основные Государевы служилые стрелецкие и солдатские кафтаны, главным образом, суконные... Один и тот же кафтан мог называться по-разному и в перечне массы однотипных вещей, и в списке кафтанных различных видов и типов»⁷³.

Иными словами, как считает исследователь, тот вид одежды, который в документах, имеющих отношение к стрельцам называется то «кафтаном», то «зипуном», представляет собой один и тот же вид верхней одежды стрельцов, выдаваемой им как «государево служилое платье» (фактически на приказ выдавалось сукно, а в приказе местные портные (из стрельцов) кроили из него «платье» на всех стрельцов по образцу. Однако официально дача сукна

называлась пожалование «Государевым платьем». То есть давали сукно, но называли его при этом одеждой – Р.А., И.Б.).

В своей отписке на имя царя, поданной в Разряд сотником приказа Иваном Некрасовым 6 января 1663 г., Ромодановский писал, что в 1658 г. по царскому указу думный дьяк Семен Заборовский «устроил в Белгороде приказ московских стрелцов и отдал тот приказ московскому стрелецкому голове Клементью Иевлеву и в том, государь, приказе строено было шесть сот человек и даны им были на зипуны сукна розных цветов...»⁷⁴.

Из разрядной выписки 1677 г. следует, что «в прошлых годах, по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича ... белгородских московского приказу стрелцом даваны сукна на кафтаны во 166 (1658) анбурских зеленого цвету по 5 аршин человеку»⁷⁵.

Со слов командующего армией Белгородского разряда князя Ромодановского летом 1659 г. кафтаны (зипуны) белгородских стрельцов были уже другого цвета. Возможно, они получили их накануне своего пленения в Лохвице в июле 1659 г. Об этом известно из другой отписки воеводы, связанной с описанием ущерба стрельцам, который им был причинен мятежными украинскими казаками. Отвечая на вопрос Разряда, Ромодановский писал царю, что велено нам «отписати» к государю «у многих ли стрелцов зипуны черкасы пограбили» и много ли в приказе «новоприборных стрелцов», как устроено «в том приказе семсот человек»? Кроме того, «сколко сукна аршин надобно и какими цветы»?

Князь докладывал, что из-за «черкаских, государь, грабежей Клементьева приказу Иевлева у стрелцов осталось зипунов у ста семидесяти человек и те, государь, поношены и надобно, государь, сукна на зипуны старым и у которых зипуны пограблены и новоприборным стрелцам две тысячи сто восемь аршин, опричь тех у которых ныне поношены зипуны, а будет ты, великий государь, укажешь вместо поношенных зипунов зделать стрелцом новые всем зипуны и семистам человеком на зипуны сукна надобно две тысячи восьмьсот аршин, а прошлые, государь, зипуны Клементьева приказу Иевлева у стрелцов были

вишневого да светлолазоревого сукна и о сукнах государь вели свой великого государя указ учинить»⁷⁶.

Белгородские стрельцы в 1659-1660-е годы. Реконструкция. Рис. Бабулин И.Б.

3 августа 1660 г. по государеву указу послана память казначею Б. Дубровскому, дьякам В. Понкратову и И. Харламову «прислать из Козенного двора в Розряд сукон светлолазоревых да вишневых цветов две тысячи восмсот аршин в половинках по указу великого государя велено те сукна из Розряду послать в Белгород московского приказу стрелцом на зипуны семи стам человекам»⁷⁷.

Вероятно, следующая дача стрельцам сукна на кафтаны состоялась не ранее, чем через два года. 7 января 1663 г. царь Алексей Михайлович дал распоряжение оружейничему Б. М. Хитрово послать из Оружейного приказа, среди прочего снаряжения на кафтаны «сукна на 700 человек по 4 аршина тож, 2800 аршин»⁷⁸.

В челобитной царю, поданной в Разряд 10 марта 1671 г. «белгородцкого полку московские стрелцы Иванова приказу Хрисанфовича Волкова пятидесятники и десятники и рядовые всем приказам» писали, что в 1670 г. прислана была в Белгород государева грамота, в ней велено выдать им «государево жалованье сукна на кафтаны», которое ранее послано было в Запороги (т.е. в Запорожскую Сечь). Однако в следующем году прислана новая грамота в Белгород, и в ней тех сукон стрельцам до великого государя указу «давать не велено». Стрельцы заявляли, что они «людишки бедные, всем оскудали и платишка абодрали», и просили пожаловать их из-за «великия скудости» и дать им «государева жалованья сукна» на кафтаны «против прежнева своего государева жалованья», чтобы им «в конец не погибнуть»⁷⁹.

По данному поводу была сделана разрядная выписка, в которой сообщалось, что 5 марта 1668 г. по указу царя было послано в Белгород «государевой денежной казны 2000 рублей да 100 половинок сукон анбурских, а по мере 2000 аршин с мецнянином з Богданом Протасовым да с подьячим Фомою Гарасимовым». Сукно должны были отправить «запорожскому кошевому атаману и казаком, которые ходили в крымские улусы и промысл чинили», т.е. Ивану Серко с его запорожцами в качестве награды за их набег на Крым. Однако, из-за участия Серко в мятеже гетмана Ивана Брюховецкого, «та

денежная казна и сукна в Запороги не посланы, потому что в прошлом во 176 (1668) году черкасы учинились в ызмене»⁸⁰. В июне 1670 г. царь распорядился «Белгородцкого полку московских стрелцов Иванова приказу Волкова... своего государева жалованья ис тех сукон на кафтаны дать по 4 аршина человеку», о чем в Белгород была послана соответствующая грамота. Однако 22 июля того же года Ромодановскому был послан новый царский указ, в котором «тех сукон, которые велено роздать Иванова приказу Волкова стрелцом на кофтаны давать до указа не велено»⁸¹. Чем объясняется столь поспешная отмена прежнего решения, неизвестно.

В феврале 1671 г. в Москву приехали стрельцы белгородского приказа «челобитчики Дружинка Лаврентьев с товарищи», которые сказали, что сукна, которые ранее хотели им «дать на кофтаны», а затем «до указа давать не велено», до сих пор лежат в Белгороде, а «по ведомости в расход никому не даваны». Стрельцы били челом государю, чтобы невостребованное сукно выдали им на новые кафтаны. Согласно разборным книгам, в то время числилось «в Ыванове приказе Волкова стрелцов 622 человека»⁸².

В своей челобитной стрельцы писали, чтобы царь «велел им дать из своей государевой казны сукна на кафтаны за их многие службы и за частые отводы, и за многонужное терпенье», поскольку прежде пожалованные «сукна и кафтаны... поизносились»⁸³.

Государь согласился на просьбу стрельцов, и, учитывая недостаточное количество хранящегося в Белгороде сукна для пошива кафтанов на всех стрельцов приказа, распорядился дополнительно послать из казны «сукон анбурских сорок семь половинок... на его государево жалованье Иванова приказу Волкова московским стрельцам в прибавку к прежним сукнам, которые ныне в Белгороде»⁸⁴.

12 апреля 1671 г. думному дьяку Семену Титову в Казенный приказ была послана «память» о «взятии в Розряд из Казенного приказу сукон анбурских сорок семь половинок, а из розряду послати те сукна в Белгород на ево государево жалованье Иванова приказа Волкова московским стрельцам в

прибавку к прежним сукнам, которые ныне в Белгороде». Кроме того, в «памяти» отмечалось, что в 1670 г. по указу великого государя было «велено купить у Архангелского города на всякие казенные расходы к нынешнему ко 179 (1671) году тысячу половинок сукон анбурских», однако вместо тысячи из Архангельска в Казенный приказ прислано всего «сто дватцать семь половинок сукон анбурских, и тех сукон за расходы в остатках толко осталось тритцать половинок, и тех сукон на крымскую кладь и на казенныя расходы будет мало»⁸⁵.

10 июня 1671 г. наконец последовал царский указ белгородскому воеводе князю Г.Г. Ромодановскому о том, чтобы «сукна сто половинок, которые во 176 (1668) для посылки в Запороги посланы были в Белгород и ныне они в Белгороде, роздать московского Иванова приказу Волкова стрелцом на кофтаны, пятидесятником и десятником и рядовым з головы сколким человеком доведетца, а сколким человеком тем стрелцам на кофтаны сукон не достанет и ему боярину отписать о том к великому государю, а стрелцом сказать, чтоб они сукон подождали, а сукна присланы будут в Белгород впредь...»⁸⁶.

В 1677 г. приехавшие в Москву «белгородские стрелцы Афонка Данилов да Андрюшка Сидоров» сказали, что в соответствии с царской грамотой от 10 июня 1671 г. было «дано им в Белгороде на кофтаны амбурских розных цветов сукон петисот человеком по четыре аршина человеку, а не досталось в то число на дачю сукон их же братьям стрелцом двумстам осьмидесяти семи человеком, и тем де сукна и по се число не даны, а которые де и даны в то число сукон и те де кофтаны у всех у них изнасились». В Разряде отмечалось, что «в Белгороде московского приказу стрелцов по розборным книгам 183 (1675) году 751 человек... по смотренному чигиринскому списку нынешнего 185 (1677) году 768 человек. А по скаске челобитчиков ныне стрелцов с новоприписными 800 человек»⁸⁷.

В челобитной 1677 г. царю Федору Алексеевичу стрельцы писали, что «в прошлых же, государь, годах по указу отца твоего» даны им «для службы на зипуны сукна и те зипуны на твоей великого государя службе изнасились» и

ныне они «стали на твоей великого государя службе наги». Стрельцы отмечали, что даже на торжественные церемонии по случаю встреч иноземных гостей им нечего надеть: «как бывают в Белгородском полку стойки (смотри – *И.Б.*) для посланников иных земель» и им «на этих стойках стоять не в чем». Стрельцы просили выдать сукна на зипуны «за многую службу».⁸⁸

По поводу поданной челобитной в Разряде сохранилась запись: «а будет дать против 166 году амбурских лазоревых по 5 аршин человеку, итого 4000 аршин. Приписка: дача по 10 рублей аршин итого 1400 рублей, а будет по 4 аршина итого 3200 аршин»⁸⁹. Т.е. в 1677 г. стрельцы, вместо прежних кафтанов «розных цветов» из сукна для запорожцев, предположительно получили кафтаны лазоревых цветов.

Отметим, что если в 1658 г. стрельцы получали по 5 аршин сукна на кафтан, то в 1660 г. по 4 аршина на зипун. Возможно, эта разница означает, что зипун в данном случае – это укороченный вариант кафтана. В то же время обращают внимание рассуждения дьяков Разряда в 1677 г., сколько выдать сукна на кафтан: по 5 аршин человеку как в 1658 г. или по 4 аршина. В связи с этим рискнем выдвинуть предположение, что кафтан у стрельцов мог быть двух видов: длинный из 5 аршин сукна и малобюджетный вариант (чаще называемый зипуном) из 4 аршин того же самого по ширине сукна. На рисунках из «Чертежа изображения в лицах отпуска стрельцов в судах водяным путем на Разина» (1670) можно разглядеть оба варианта кафтана (полы ниже колен и до колена)⁹⁰. Скорее всего, размер выдаваемого сукна зависел от возможностей государственных учреждений в данное время (т.е. много сукна в наличии – выдача по 5 аршин, мало – по 4).

Известен также следующий факт: в 1682 г. 215 белгородских стрельцов обратились с челобитной в Разряд по поводу сукна на кафтаны, не выданного им по «памяти» 1672-1673 гг., спустя десять лет⁹¹.

О цветах шапки с опушкой, сапог и штанов ничего неизвестно. Можно лишь предположить, что цвет шапок не был определенным; сапоги, вероятно, желтого цвета – наиболее часто встречающегося у московских стрельцов;

штаны – серые из сермяжной ткани. Сведений о централизованной выдаче шапок, сапог и штанов не выявлено, следовательно, единообразным цветом они не отличались.

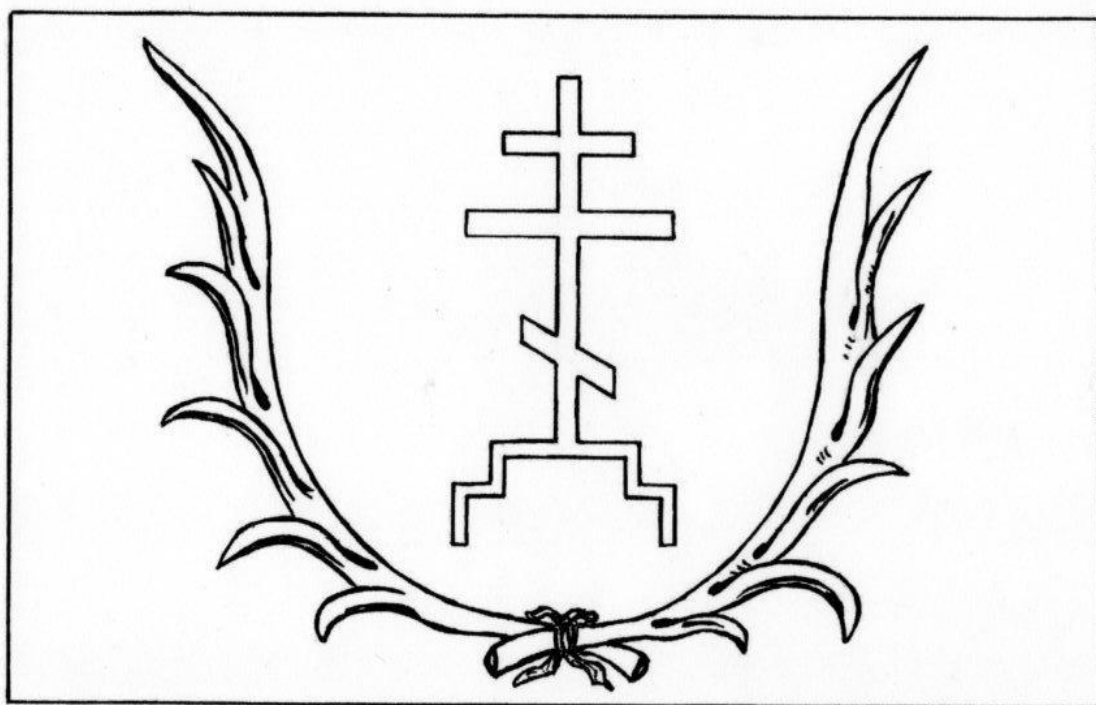
Таким образом, относительно обеспечения белгородских стрельцов государевым служилым платьем можно сделать вывод, что оно не было регулярным. Если столичные стрельцы, по некоторым данным, ежегодно имели возможность обновлять свои кафтаны, то белгородские стрельцы, несмотря на их «московский статус», постоянно испытывали серьезные проблемы с получением вещевого довольствия. Тем не менее, во всем Белгородском разряде это была единственная часть, имевшая централизованные поставки «цветного платья» (одного-двух цветов), что лишний раз подчеркивает представительскую (в т.ч. «парадную») функцию приказа.

Знамена

В рассматриваемое время стрелецкий приказ имел приказное (полковое) знамя и сотенные знамена по числу сотен в приказе. Из ряда документов следует, что в некоторых случаях приказ имел по два знамени на сотню, что, возможно, означает дополнительный (походный) комплект. Полковое знамя обычно представляло из себя «богато украшенное полотнище большого размера с изображением различных религиозных сюжетов — выносилось в строй крайне редко. Функцию постоянного полкового отличия выполняли сотенные знамёна, полагавшиеся каждой сотне (роте)»⁹².

Самые ранние сведения о полковом и сотенных знаменах белгородского приказа московских стрельцов, которые нам удалось обнаружить в РГАДА, относятся к весне 1660 г. 28 мая 1660 г. вместе с государевой грамотой, которую повез из Москвы в Белгород сын боярский М. Уваров, из столицы было послано «московского приказу голове стрелецкому Клементью Иевлеву знамя тафтяное болшое, а ево приказу стрелцом на семь знамен тритцать аршин тафты трех цветов ...». По приезду Уварова, воеводе князю Ромодановскому велено было у него «те знамена и тафты... взять в Приказную избу и знамя

большое в коем вооброжен Крест Христов меж олених рогов дати голове Клементью Иевлеву... а ис тафты велети зделать семь знамен и отдать Клементьева приказу стрелцом...». В отписке Ромодановского в Разряд князь писал, что он с товарищами у Уварова «знамена и тафты в Приказную избу приняли и большое, государь, знамя в котором вооброжен Крест Христов отдали голове Клементью Иевлеву... а с тофты, государь, велели зделать семь знамен и отдать Клементьева приказу стрелцом»⁹³.

Знамя Белгородского приказа московских стрельцов в 1660 г. Реконструкция.

Рис. Бабулин И.Б.

Под «оленьими рогами» здесь следует понимать две перекрещенные пальмовые ветви, которые на многих знаменах XVII – начала XVIII вв. действительно были похожи на рога. Вероятно, московские художники, никогда не видевшие пальмовых ветвей, трактовали их как рога оленя, связывая это изображение с символами Святого Евстафия – святой крест меж оленьих рогов. Для наглядного объяснения такой вероятной атрибуции можно привести

рисунки на известных драгунских знаменах полков Петра I на 1700-1709 гг., на которых крест помещен между весьма характерными «рогами». Пальмовые ветви были знаком «победы, одоления, изобилия, плодородия, продолжения царств или империй»⁹⁴. Цвета полкового знамени и сотенных знамен в документе не указаны.

Что касается сотенных знамен, то в 1660 г., как писал князь Ромодановский, по нашей докладной росписи «велено в том стрелецком приказе устроить семь сот человек, и тавты на знамена присланы были», однако ткань пришлось пустить на знамена для рейтар: из той тафты «зделаны рейтарских полков знамена». На 12 декабря 1662 г., согласно отписке привезенной в Москву сотником И. Некрасовым, ткань на сотенные знамена так и не была прислана. Воевода сообщал, что «ныне, государь, в том приказе толко три знамя...», в связи с чем просил указ «учинить» об изготовлении недостающих знамен⁹⁵.

7 января 1663 г. царь Алексей Михайлович дал распоряжение окольничему и оружейничему Б. М. Хитрово послать в Белгород из Оружейного приказа, в числе прочего имущества, «знамена 56 аршин на 14 знамен по 4 аршина 2 цветов»⁹⁶. 27 января 1663 г. из Москвы послано «четырнатцать знамен болших стрелецких тафтяных»⁹⁷. Их цвета неизвестны, но, возможно, они соответствовали цветам кафтанов. Что касается изображений на сотенных знаменах 1663 г., то, вероятно, аналогично сотенным знаменам московских стрелецких приказов, они были украшены большим крестом и звездами, число которых на каждом знамени соответствовало номеру сотни.

По более поздним данным, на 1 сентября 1682 г., у белгородских стрельцов в Киеве были 4 сотенных знамени тафтяных белой и красной тафты, в том числе одно киндячное ветхое⁹⁸. Другие известные нам сведения о знаменах белгородских стрельцов относятся лишь к середине 80-х годов XVII в. В 1686 г. согласно росписи большого полкового наряда «у Разрядного шатра», полковых припасов и знамен Белгородского разряда 1686 г., опубликованной А.Н. Лобиным, в которой перечислены и полковые припасы

Московского белгородского жилого полку Данилы Юдина, полковое стрелецкое знамя было белого цвета, расписанное золотыми и серебряными красками: « Знамя полковничье белой тафты, писано золотом и серебром, на нем написан Образ Благовещения Пресвятые Богородицы, по углам лица ангельские; с другую сторону знамени в Облаке Образ Спасителей, Образ Алексея человека Божия да Федора Стратилата, Сергия, Никона Радунезских чудотворцев, по Углам лица ангельские; около знамени кайма красной и зеленой тафты клинчатая; древко у знамени писано золотом и серебром, длина того знамени полчетверта аршина, поперек тож.

Семь знамян сотенных з розных тафт. И те вышеписанные знамена на древках з готики, чемоданы на них красного сукна⁹⁹.

Учитывая, что в данном случае на 8 сотен приходится семь сотенных знамен, можно предположить, что полковое знамя является знаменем первой сотни, а не личным знаменем полковника, как это было ранее. Отмеченное нововведение вероятно связано с военной реформой 1680 г. Если в период образования белгородского приказа голове полагалось отдельное знамя (так называемое «головнино», т.е. в приказе 1 знамя головы и 7 знамен сотен, а впоследствии даже 14), то уже к 1686 г. (после реформ 1680 г.) это знамя является уже не личным знаменем головы (полковника), а в полном смысле полковым знаменем и знаменем первой сотни (на полк из 8 сотен – 1 знамя полковника и 7 сотенных знамен). Таким образом, приказ (полк) уравнивается по знаменам с солдатскими полками нового строя, т.е. реформы в московской армии происходят одновременно и в полках нового строя и в стрелецких приказах (т.н. старого строя).

Боевая история приказа и иные «многие службы»

Согласно челобитной белгородских стрельцов 1677 г., они «беспрестани» бывают на великого государя службах «в малороссийских городах з боярином и воеводы со князем Григорьем Григорьевичем Ромодановским с товарищи по

все годы зимою и летом, с приходу и до отпуску, и подо многими черкасскими городами на боях и на приступех и в отводе от Конотопа и от Котелвы и от Чернигова и от Чигирина шли и бились с татары и с черкасы, кровь свою проливали нещадя голов своих, всякую нужу и бедность и голод и стужу терпели...»¹⁰⁰.

Сразу следует сказать, что в челобитной перечислены лишь наиболее тяжелые сражения с крымскими татарами и украинскими казаками с точки зрения стрельцов. На самом деле боевая история белгородского стрелецкого приказа гораздо богаче и длиннее представленного челобитчиками списка.

Как выше было отмечено, стрелецкий приказ Климентия Иевлева был сформирован летом 1658 г. Уже осенью того же года он принял участие в боевых действиях на Украине против украинских казаков изменившего царю гетмана И. Выговского и союзных ему крымских татар. В ноябре 1658 г. приказ находился под Варвой, осажденной русской армией кн. Г.Г. Ромодановского¹⁰¹. После снятия осады в декабре того же года стрельцы с войском пришли в Лохвицу.

Зимой 1658-1659 гг. приказ К. Иевлева прибыл в Грунь¹⁰², где принял участие в обороне города от войск Выговского и крымских татар. По словам защитника Груни казацкого сотника Л. Мишкина, в феврале 1659 г. когда Выговский «приходил с татары и с воровскими черкасы» под «государевы украинные города... Клементей Алексеевич Иевлев, голова стрелецкий, к нам на Грунь приходил с ратными людьми вашего царского величества и стоял в городе твоего царского величества в Груни». Русские ратные люди и местные казаки бились «крепко против того изменника Ивана Выговского, и многожды их от города Груни отгоняли, и многих Татар и воровских казаков порубили и живьем поймали многих...»¹⁰³.

Тогда же в феврале 1659 г. часть стрельцов участвовала во взятии Варвы отрядом ахтырских и донских казаков есаула А. Воропая (будущего полковника Харьковского слободского полка) и атамана А. Кутепова. Воропай и Кутепов с «великого государя ратными людьми пришли под город Варву и учинили

приступ». В ходе решительного штурма «город Варву взяли», изменников «высекли, и пушки и знамена поймали, а которые твои великого государя люди взяты были в полону дворяне... и тех освободили». Урон победителей был небольшим, «на приступе убито ахтырского полку черкас два человека, да ранено сотенных людей и салдат и стрельцов семь человек»¹⁰⁴.

В апреле 1659 г. стрельцы Иевлева находились в Лохвице вместе с войском князя Ромодановского. 13 апреля в составе отряда кн. С.Р. Пожарского они участвовали в штурме Сребного и разгроме Прилуцкого полка полковника П. Дорошенко¹⁰⁵.

21 апреля Ромодановский с товарищами пошел под Конотоп к князю А.Н. Трубецкому, а «стрелецкий приказ для оберегання от неприятелей» оставил в Лохвице. В поход выступило только 150 стрельцов с головой Климентом Иевлевым. В челобитной, поданной в августе 1660 г., стрельцы писали: «как был поход из Лохвицы окольникему и воеводам, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому с товарищи под Конотоп, а он, Клементей, выбрав из нас 150 человек, из Лохвицы взял с собою в поход и велел нам, бедным и пешим, покупать лошади»¹⁰⁶. Указанные стрельцы по приказу кн. Г.Г.Ромодановского взяты были «для береженья наряду и зелейной и свинцовой казны»¹⁰⁷.

В мае 1659 г. голова К. Иевлев и 210 стрельцов¹⁰⁸ под началом воеводы В.М. Новосильцева были отправлены в Хорол «для береженья от приходу воинских людей, татар и изменников черкас». Затем они участвовали в неудачном приступе к Балаклеяке, во время которого «голову стрелецкого Клементья Иевлева ранили, а государевых ратных людей и черкас ранили человек с дватцать, да десять человек убили»¹⁰⁹. Иевлев со своим отрядом вернулся к Конотопу, где позднее вместе с армией Трубецкого принял участие в тяжелых боях на отходе к Путивлю.

После Конотопской битвы 28 июня 1659 г., в которой армия Трубецкого потерпела поражение, украинские казаки «в приход Ивашки Выговского», сдали гетману Лохвицу без боя. Оставшиеся в то время в Лохвице «стрелцы

Клементьева приказу Иевлева» (370 чел¹¹⁰.) из-за неожиданной измены лохвицких казаков не смогли оказать сопротивления врагу и попали в плен. По словам очевидцев, «Лохвица де и Роман (Ромны) сдались и русских людей выдали, и те де русские люди посланы в Переяславль»¹¹¹. Впрочем, согласно челобитной сотника Евдокима Булгакова, стрельцы под его началом все же дали бой «на заставе», и попали в плен, когда «его стрельцов разбили»¹¹². В плену белгородцы находились до низложения Выговского (сентябрь 1659 г.) и лишь после избрания гетманом Юрия Хмельницкого «ис полону они отпущены». Следует отметить, что число стрельцов, вернувшихся из плена, точно неизвестно. В одной челобитной 1660 г. сообщалось, что царю били челом о пожаловании за службу лишь «97 человек которые были в полону у Ивашки Выговского»¹¹³.

В 1660-1661 гг. стрельцы, вероятно, были задействованы в мелких локальных операциях против казаков изменившего царю гетмана Юрия Хмельницкого на Левобережной Украине.

В Каневской битве 16 июля 1662 г., согласно документам, вместе с головой Иевлевым принимало участие 5 стрелецких сотников и 483 белгородских стрельца¹¹⁴. Битва закончилась победой армии князя Г.Г. Ромодановского и полным разгромом казацкого войска гетмана Юрия Хмельницкого и помогавших ему поляков. Противник потерял 8 тыс. убитыми и утонувшими в Днепре, весь обоз, 22 пушки и 117 знамен. В «Дворцовых разрядах» имеется запись о том, что «июля в 30 день, в село Коломенское, пригнали к Государю, из Черкаскаго города Канева, из полку от окольного и воевод от князь Григорья Григорьевича Ромодановскаго с товарищи сеуншики» с вестью о победе, среди которых был «голова стрелецкой Клим Алексеев сын Иевлев»¹¹⁵.

25 июля того же года две сотни стрельцов в отряде воеводы М.В. Приклонского ходили на Правобережье и сражались под Бужиным 3 августа 1662 г. При отходе за Днепр под натиском многочисленной орды крымских

татар под началом царевича Селим-Гирея потери стрельцов убитыми и пленными составили 22 чел.¹¹⁶

В зимней кампании 1663-1664 гг. в боях против польско-литовской армии короля Яна Казимира в строю насчитывалось 526 белгородских стрельцов¹¹⁷. Неприятель был изгнан с Левобережной Украины без значительных боевых столкновений, и поход завершился без урона для приказа.

В мае 1668 г. в ходе борьбы с мятежом гетмана Ивана Брюховецкого русская армия под началом кн. Г.Г. Ромодановского осадила Котельву – город, укрепленный глубокими рвами, высокими валами и деревянными башнями. В составе царского войска были и белгородские стрельцы под началом головы Ивана Волкова. На помощь осажденным казакам выступили орда под началом Ширин-бея и полки гетмана Петра Дорошенко. 12 июня того же года, ввиду значительного численного превосходства противника, воеводе пришлось снять осаду города и отступить по направлению к Ахтырке. Татары и черкасы догнали и атаковали русскую армию на переправе через речку Хухру. В ходе боя татар и черкас «многих побили и гнали за ними и рубили до села Хухры и в реку Хухру втоптали ...»¹¹⁸. В ходе дальнейшего «отвода» русской армии, «пришли татарове многие люди тысяч з дватцать и болши и черкасы многие люди... учинили три напуска и приступы жестокие...на тех напусках и на приступах многих татар и черкас побили». Крымцы, «видя крепкое стоянье» русских ратных людей, отступили. После еще нескольких успешно отраженных нападений татар и казаков русское войско пришло в Ахтырку¹¹⁹.

В августе 1668 г. Ромодановский предпринял новое наступление против сторонников Дорошенко и без боя занял Нежин. 9 сентября он двинулся к Чернигову, в котором в верхнем замке мятежными черкасами почти 8 месяцев был блокирован воевода Андрей Толстой с небольшим русским гарнизоном. 17 сентября мятежники сняли осаду замка и заняли оборону за валами двух городских острогов Чернигова. 20 сентября русские ратные люди «жестоким

приступом два города болших взяли и выжгли и высекли»¹²⁰. После падения Чернигова русская армия была атакована казаками, валахами и крымскими татарами под началом наказного гетмана Демьяна Многогрешного в трех верстах от города. В результате боя «черкас и волох и татар многих побили и секли до Подворков... а гетман де с черкасы с того бою ушел в Седнев»¹²¹. Не имея сил к дальнейшему сопротивлению, Многогрешный стал склоняться к возвращению в подданство царя.

12 октября на обратной дороге от Чернигова к Путивлю армия Ромодановского снова была атакована многочисленной крымско-татарской ордой под началом калги-наследника престола и казаками Григория Дорошенко, брата гетмана Петра Дорошенко. Трое суток «к обозу татарове и изменники черкасы приступали днем и ночью жестокими приступы конные и доуку чинили всякую и великого государя ратные люди у обозу татар побивали многих». Особенно сильным был натиск неприятеля 14 октября у Пустой Торговицы при переправе через реку Сосновку (Куколку), недалеко от места знаменитой Конотопской битвы (28.06.1659). Калга-султан «со всеми своими татарскими силами и Гришка Дорошенко с конными и с пешими черкасы и с пушками и со всем строем, учинили жестокие напуски и приступ и бились часов пять и болши, для того чтоб им на той переправе обоз разорвать и милостью божьей, на тех на всех приступех и на жестоких напусках многих людей побивали»¹²². Отбив все атаки многочисленного врага, русское войско благополучно пришло в Путивль.

К сожалению, сведений о потерях белгородских стрельцов в тяжелых боях 1668 г. в документах найти не удалось.

В октябре 1670 г., в период восстания Степана Разина приказ И. Волкова находился в Белгороде¹²³. В феврале 1671 г. в войске князя Ромодановского в Курске было московских стрельцов - голова 1 чел., сотников 5 человек, стрельцов 622 чел. В июне того же года у Ромодановского в Курске и Короче

«для береженья от приходу неприятельских людей» находилось «стрелцов Иванова приказу Волкова 642 человека»¹²⁴.

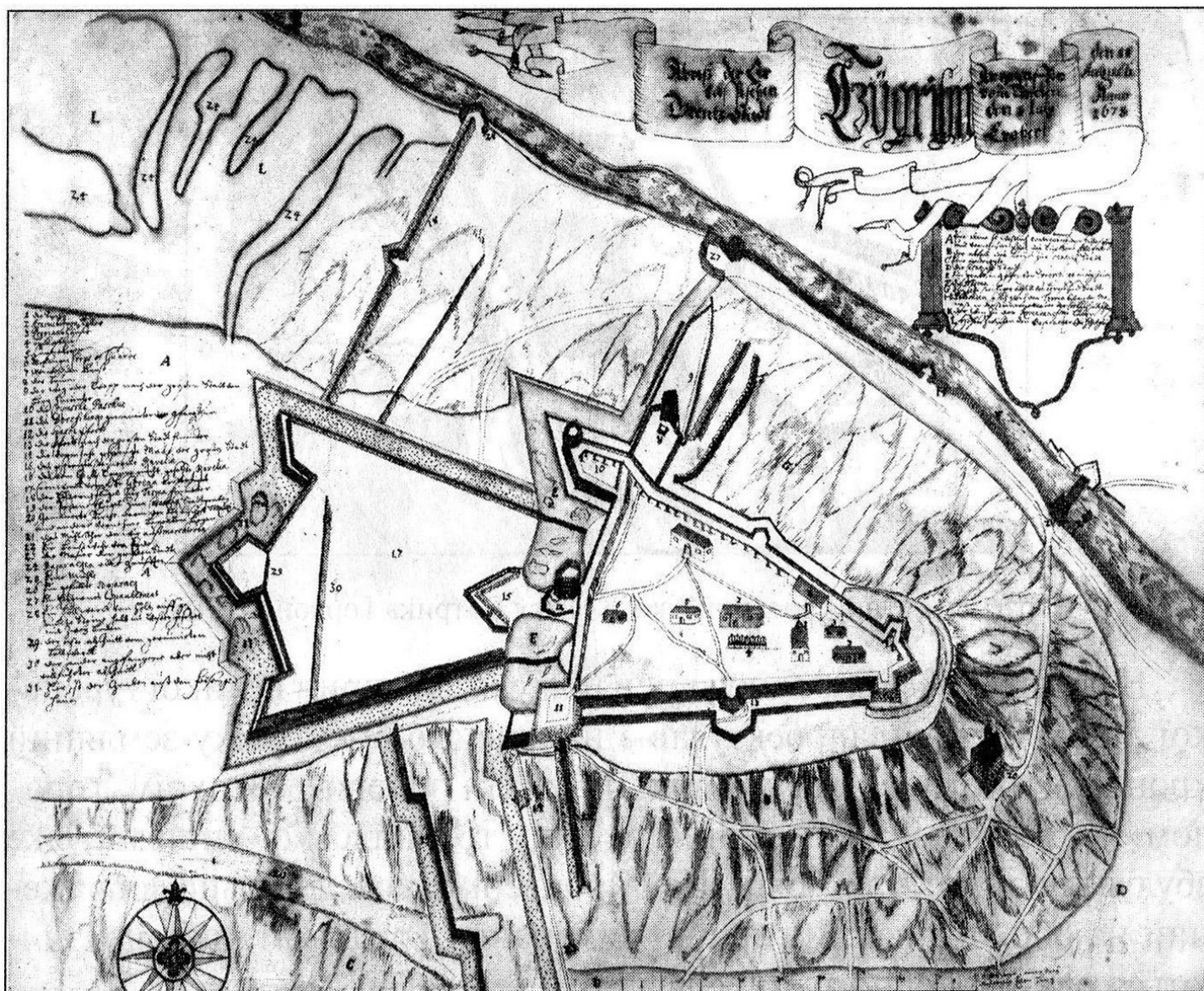

Схема крепости Чигирин в 1678 г. Рисунок из «Дневника» П. Гордона

Белгородский приказ принимал участие в походе кн. Г.Г. Ромодановского против гетмана П.Дорошенко к Чигирину в 1674 г. На обратном пути от Чигирина, русское войско было атаковано крымскими татарами и казаками Дорошенко под Черкассами, однако «на том бою урону никакого на ратных людей не было»¹²⁵.

В 1676 г. турецкий султан Мехмед IV, одержав победу над Речью Посполитой и пользуясь тем, что гетман П. Дорошенко признал себя подданным Османской империи, распространил свою власть на Правобережную Украину. Основные сражения развернулись у крепости Чигирин на Днепре, которая закрывала турецким войскам дорогу на Киев. Белгородский приказ участвовал в двух Чигиринских походах против турок и крымских татар в 1677 и 1678 гг., причем в последнем походе одна из белгородских сотен (Ивана Шеинцова) принимала непосредственное участие в обороне Чигирина. Согласно сохранившимся документам, «головы московских стрелцов Белгородцкого Лукина приказа Овдеева в прошлом во 186 (1678) году в Чигиринском походе и в осаде сотников и стрелцов ранено и побито и от ран померло и безвестно пропало 70 человек, в том числе: ранено: 1 сотник, стрельцов: пятидесятников, десятников и рядовых 46 человек. Побито: стрелцов 21 человек, 1 человек сотник от ран умер, 1 пропал безвестно»¹²⁶.

Сражавшийся в Чигирине сотник Иван Офонасьев сын Шеинцов 12 июля был «поколот в груди копьем» да в правую ногу из пищали застрелен и «от тех ран умер»¹²⁷. Судя по записям в «Дневнике» П. Гордона это произошло во время вылазки русских из крепости и боя с османами в турецких траншеях¹²⁸.

3 августа русские войска штурмом взяли оборонительные позиции турок Каплан-паши на Чигиринских высотах. Согласно П. Гордону, в этом бою особо отличились стрельцы, которые «заняв верную позицию», и окружив себя рогатками, сильным огнем отразили все атаки турецкой конницы и пехоты¹²⁹. Из документов известно, что белгородские стрельцы также бились «на Чигиринских горах», пробивая дорогу к осажденному неприятелем городу¹³⁰.

Еще один сотник, Михайло Яковлев сын Кобелев, был ранен в бою 11 августа, во время эвакуации чигиринского гарнизона. Он был застрелен «ис пищали в правую щоку под правой глаз и пулка в нем», но при этом остался жив¹³¹.

О службе белгородских стрельцов в русско-турецкую войну можно узнать также из их челобитных, поданных 14 июля 1682 г., в которых они

просили выдать деньги «на подъем» за четыре похода против крымцев в 1678-1679 г., которые они в свое время не получили. Стрельцы пятой сотни белгородского приказа (45 чел.) просили выдать жалованье «за чигиринское осадное сиденье», а еще 21 чел. - за Чигиринский поход. Кроме того, часть стрельцов приказа в 1677-1678 г. были «с разменной козною на Дону»¹³².

Что касается иных «многих служб», то, как известно в Москве, наряду «с организацией полковой и гарнизонной службы стрельцов чины Стрелецкого приказа ведали вопросами обеспечения общественного порядка в столице»¹³³. В Белгороде стрельцы Иевлева выполняли аналогичные функции. Кроме того, белгородцев нередко отправляли для пресечения набегов мелких татарских отрядов. В своей челобитной 1677 г., стрельцы, в частности, писали, что как бывают они с «государевы службы в отпуску в Белгороде и нас, холопей твоих, с полковники и с начальными людьми посылают из Белагорода в поход за татары почасту, а в Белгороде на караулы ходим безпрестани одним приказом, и в посылки для твоих государевых дел во все города белгородцкого полку и в Белгородцкой уезд ходим, и всякие твои государевы работы работаем ...»¹³⁴. Сохранилось расписание караулов по Белгороду на 1678 г. Так, у Разрядной избы и у воеводского двора стояли на караулах приказа головы московских стрельцов Игнатия Логинова по 50 чел., и из них посылались стрельцы по городу для караулов, переменяясь в сутки: в деревянном и земляном городе в 7 проезжих башнях 20 чел., у государева пасечного меду по 2 чел., в разрядной избе и в приказе денежного и хлебного сбору 6 чел., на воеводском дворе 5 чел. А остальные стрельцы для всяких посылок стояли у знамени¹³⁵.

Подводя итоги описанию боевой и иной служебной деятельности приказа можно сделать вывод, что, несмотря на нередкие случаи превышения власти начальными людьми и тяготы службы, стрельцы гордились своим воинским статусом и достойно несли знамя своей воинской части на протяжении почти четверти века. В середине XVII столетия они были достаточно профессиональной, боеспособной и дисциплинированной частью пехоты Русского государства. Авторитет «мира» (коллектива), привилегированное

положение и сословный характер обеспечивали высокую организованность и мобилизационную дисциплину.

Дальнейшая история белгородских стрельцов

В ходе военно-окружной реформы 1680 г. все стрелецкие приказы были переименованы в полки, стрелецкие головы – в полковники, полуголовы – в подполковники. Вместо сотников появились капитаны¹³⁶. Происходившие изменения в стрелецком войске в целом были связаны с унификацией его организационных структур и доведении численности приказов до уровня полков солдатского строя.

В 1682 г. Белгородский стрелецкий полк возглавил Семен Юрьевич Резанов¹³⁷, а в следующем году – Данила Никитич Юдин. Назначение полковника Данилы Юдина в приказ московских стрельцов состоялось по их челобитью¹³⁸. В 1686 г. в преддверии Крымского похода была составлена упомянутая выше Роспись большого полкового наряда «у Разрядного шатра», полковых припасов и знамен Белгородского разряда, где перечислены и полковые припасы Московского белгородского жилого полку Данилы Юдина и в том числе «пять мушкет целых, 134 к стрельбе не годятся, ложи и жагры попорчены...»¹³⁹. Из документа следует, что Белгородский жилой полк в это время состоял из 8 сотен и был вооружен фитильными мушкетами.

Полк принял участие в двух Крымских походах: в походе 1687 г. он насчитывал одного полковника, 7 капитанов, 743 стрельца¹⁴⁰, в походе 1689 г. 786 стрельцов¹⁴¹. В мае 1689 г. упоминается полковник Белгородского стрелецкого полка Иван Афанасьевич Черный, его полка подполковник Михаил Кобелев, 8 капитанов, 800 стрельцов¹⁴². В 201 (1692/93) году по указу велено быть у того полку в полковниках Михаилу Кобелеву¹⁴³. В 1698-1700 гг. обязанности полковника Белгородского жилого стрелецкого полка выполнял генерал-майор К.А. Ригимон¹⁴⁴.

В 1700-1701 гг. Белгородский жилой стрелецкий полк Осипа Григорьевича Булгакова принимал участие в Таванском походе¹⁴⁵, а затем нес службу в Казыкermени и Воронеже.

В 1701 г. полк был переформирован в одноименный жилой солдатский полк¹⁴⁶. Бывшие стрельцы лишились значительной части своих привилегий и пожалований, превратившись в обычных солдат. В 1701-1703 гг. полк службу в Каменном затоне. В 1703 г. Участвовал в «зимовом» походе. В 1705 г. был в Новобогородицком на р. Самаре. С 1706 г. полком командовал подполковник Кузьма Борисович Неклюдов. В 1706-1708 гг. полк нес охрану воронежского флота. В 1708 г. участвовал в экспедиции кн. В.В.Долгорукова против К.Булавина. В 1709 г. полк действовал под Ревелем. К 1712 г. расформирован.

Заключение

История Белгородского приказа (полка) московских стрельцов, созданного в 1658 г. и просуществовавшего до 1701 г., является одной из незаслуженно забытых страниц славной истории стрелецкого войска. Главное отличие этой воинской части от провинциальных стрелецких приказов состояло в том, что она была сформирована из московских стрельцов, переселенных в южные города «на вечное житье». Установленный для «сведенцев» размер денежного и хлебного жалования в первое время был таким же, как и в других столичных стрелецких приказах. Требуя в дальнейшем от правительства соответствующего отношения к себе, белгородские стрельцы неоднократно подчеркивали в челобитных царю, что они «исконные московские стрельцы», имея в виду свое столичное происхождение.

Вероятно, первоначально переселение московских стрельцов на степную границу преследовало цель увеличения общей численности стрелецкого войска на юге страны. Однако затем, с формированием единого центра командования и управления новой засечной чертой, сначала в Яблонице, а затем в Белгороде появилась потребность в постоянном, дисциплинированном и боеготовом подразделении, способном не только взять на себя представительские функции

на южных рубежах, но и выполнять задачу охраны главнокомандующего всеми воинскими силами Белгородского разряда, в т.ч. выполнять функцию охраны его штаба. Эта задача становилась особенно актуальной в период роспуска большей части полков нового строя в условиях зимнего времени и позволила сохранить «московский статус» только тем стрельцам-переселенцам, которые оказались в Белгороде. Единое место дислокации личного состава приказа в отведенной ему слободе у городских валов Белгорода способствовало тому, что стрельцы фактически постоянно находились на службе, готовые к немедленному исполнению различных поручений и «посылок». Собирать их заранее, как полки нового строя, не было необходимости.

Основным источником материального обеспечения белгородских стрельцов в первые годы их существования было кормовое жалование. Большая часть стрельцов, к 1666 г. – три четверти, были «непашенными», а, значит, не отягощенными сезонными работами на земле в целях самообеспечения, как другие служилые люди, зависевшие от дохода с земельного надела. Это обстоятельство также способствовало тому, что данная воинская часть, не слишком крепко «привязанная» к земле, в любой момент была готова к дальнему походу и «иным службам». Осуществленная в 1666 г. попытка правительства перевести всех белгородских стрельцов в разряд «пашенных», т.е. наделить их землей с целью сокращения размера денежного и хлебного жалованья, в условиях непрекращающихся боевых действий, не могла быть удачной. Она негативно сказалась не только на материальном положении стрельцов, но и на их мобильности. Недовольные этой реформой, стрельцы продолжали посылать челобитные в столицу о восстановлении им прежних окладов, таких же, как у московских стрельцов. Отчасти добиться справедливости и восстановления прежнего статуса белгородцам удалось лишь только после начала русско-турецкой войны 1672-1681 гг. К 1677 г. правительство полностью отказалось от идеи наделения «непашенных» стрельцов землей и изъяло земельные наделы у тех, кто их имел. Кормовое

жалование снова стало основным источником материального обеспечения белгородских стрельцов.

В первые годы своего существования стрельцы могли участвовать в походах в так называемом «драгунском строе». Об этом можно судить по наличию лядунок, пищалей с замками и тому факту, что часть стрельцов в Конотопском походе покупали седла и лошадей. В третьей четверти XVII в. происходят изменения стандарта в вооружении белгородских стрельцов огнестрельным оружием: если в 1640-х годах большая часть полевой пехоты на Черте – это драгуны, потому и стрельцов вооружают также, то к началу 70-х годов значительные потери в пехоте нивелируют всякие различия. Стрельцы становятся обычными мушкетерами и их вооружают из тех комплектов, которые в массе поступают в Белгород, то есть фитильными мушкетами. Возможно, стрельцы уже в конце 50-х гг. XVII в. имели бердыши, однако, в известных описях вооружения Белгородского приказа на эти годы бердыши и сабли не встречаются. Сабли вместо шпаг в стрелецком войске предположительно появились в конце 1660-х гг.

Обеспечение белгородских стрельцов государевым служилым платьем не было регулярным. Если столичные стрельцы по некоторым данным ежегодно имели возможность обновлять свои кафтаны, то белгородские стрельцы, несмотря на их «московский статус», постоянно испытывали серьезные проблемы с получением вещевого довольствия. Тем не менее, во всем Белгородском разряде это была единственная часть, имевшая централизованные поставки «цветного платья» (как правило, одного или двух цветов), что лишний раз подчеркивает представительскую (в т.ч. «парадную») функцию приказа.

Если в период образования белгородского приказа голове полагалось отдельное знамя (так называемое «головнино», т.е. в приказе 1 знамя головы и 7 знамен сотен, а в последствии даже 14), то уже к 1686 г. (после реформ 1680 г.) это знамя является уже не личным знаменем головы (полковника), а в полном смысле полковым знаменем и знаменем первой сотни (на полк из 8

сотен – 1 знамя полковника и 7 сотенных знамен). Таким образом, приказ (полк) уравнивается по знаменам с солдатскими полками нового строя, т.е. реформы в московской армии происходят одновременно и в полках нового строя и в стрелецких приказах (т.н. старого строя).

Происходившие изменения в стрелецком войске после 1680 г. в целом были связаны с унификацией его организационных структур и доведении численности приказов до уровня полков нового строя.

Несмотря на все трудности и опасности службы и произвол некоторых командиров, белгородские стрельцы гордились своим воинским статусом. В середине XVII столетия они были достаточно профессиональной, боеспособной и дисциплинированной частью пехоты Русского государства. Авторитет «мира» (коллектива), привилегированное положение и сословный характер обеспечивали высокую организованность и мобилизационную дисциплину. В условиях многолетних непрекращающихся войн белгородские стрельцы часто покидали гарнизонную службу и отправлялись на фронт. Они неоднократно демонстрировали свои высокие боевые качества в сражениях с поляками, казаками, турками и крымскими татарами.

Вклад стрелецкого войска в становление, сохранение и развитие Российского государства огромен, но, к сожалению, слабо изучен.

¹ Багaley Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – Харьков, 1886. – С. 15; Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. – Харьков, 1890. – С. 19, 28.

² Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1894 – Ч.1. – С. 143.

³ Там же. – С. 154.

⁴ Там же. – С. 157.

⁵ Там же. – С. 143.

-
- ⁶ Багале́й Д.И. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний. – Харьков, 1890. – С. 23.
- ⁷ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1894 – Ч.1. – С. 141.
- ⁸ Там же. – С. 140–141.
- ⁹ Там же. – С. 145, примечание 2.
- ¹⁰ Там же. – С. 145.
- ¹¹ [Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. – М., 1967. – С. 240.](#)
- ¹² Там же. – С. 238.
- ¹³ Александров В.А. Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII веке. – Диссертация канд. ист. наук. – М., 1947. – С. 365.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л.25, 28 а.
- ¹⁵ Там же. – Л. 31, 71.
- ¹⁶ Акты Московского государства (далее – АМГ). – СПб, 1901. – Т.3. – С. 162.
- ¹⁷ Загоревский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 153,155.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 31.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 605. – Л. 255.
- ²⁰ Прим. Первый полуголова (уже как подполковник) появился не ранее 1689 г.
- ²¹ АМГ. – Т. 3. – С. 160.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 769. – Л. 46.
- ²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 499. – Л. 402.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятиен. № 152. – Л. 257–282 об.
- ²⁵ Багале́й Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – Харьков, 1886. – С.54.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 670. – Л. 64–65.
- ²⁷ Романов М.Ю. Москва стрелецкая. – М., 2012. – С. 50.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 74.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 200. – Л. 145.

-
- ³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 88–89.
- ³¹ Дополнения к Актам историческим (далее – ДАИ). – СПб, 1875. – Т. 9. – С. 118.
- ³² Роспись перечневая ратным людем, которые во 189 году росписаны в полки по разрядам // Описание Государственного Разрядного архива. – М., 1842. – С. 87–88.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 414. – Л. 295.
- ³⁴ АМГ. – Т. 3. – С. 161.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 67.
- ³⁶ Романов М.Ю. Москва стрелецкая. – М., 2012. – С. 114
- ³⁷ [Марголин С. Л. К вопросу об организации и социальном составе стрелецкого войска в XVII веке // Ученые записки, – Т. 27. – Труды кафедры истории СССР. – Вып. 2. – М., 1954. – С. 79.](#)
- ³⁸ Русская историческая библиотека (далее – РИБ). – СПб., 1907. – Т. 21. – Дела Тайного приказа. Кн.1. – Переписная книга документов Приказа Тайных дел. – Опись 1676 г. – Стб. 6.
- ³⁹ Там же. – Стб. 17.
- ⁴⁰ АМГ. – Т.3. – С. 160–163.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 24,31.
- ⁴² РГАДА. Ф.210. Книги Приказного стола. № 25. – Л. 252; Столбцы Белгородского стола. №.1205. – Л. 697–711.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 92–98.
- ⁴⁴ Восстание в Москве 1682 г. – Сборник документов. – М., 1976. – С. 37, 41, 277.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 71.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 414. – Л. 295–296.
- ⁴⁷ Там же. – Л. 296.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 71–72.
- ⁴⁹ Там же. – Л. 72.

-
- ⁵⁰ Там же. – Л. 58.
- ⁵¹ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. – М., 2006. – С. 359.
- ⁵² Новомбергский Н.Я. Очерки внутреннего управления Московской Руси XVII столетия. – Томск, 1914. – Т. 1. – С. 364.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 72–73.
- ⁵⁴ Там же. – Л. 73–74.
- ⁵⁵ Там же. – Л. 74–75.
- ⁵⁶ Там же. – Л. 58.
- ⁵⁷ Там же. – Л. 31.
- ⁵⁸ Там же. – Л. 76.
- ⁵⁹ Там же. – Л. 88–89.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп.1. Ч.4. № 3590. – Л. 1–19.
- ⁶¹ АМГ. – Т. 3. – С. 160.
- ⁶² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 499. – Л. 121–122.
- ⁶³ Там же. – Л. 121–122.
- ⁶⁴ Там же. – Л. 123.
- ⁶⁵ Там же. – Л. 125.
- ⁶⁶ АМГ. – Т.3. – С. 175.
- ⁶⁷ Романов М.Ю. Москва стрелецкая. – М., 2012. – С. 117.
- ⁶⁸ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее - АЮЗР). – СПб, 1872. – Т.7. – С. 317; [Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска // Военно-исторический сборник Государственного исторического музея. – М., 1948. – С. 90.](#)
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 793. – Л. 690–694.
- ⁷⁰ Вывод о драгунском типе вооружения стрельцов подсказан авторам О.А. Курбатовым, за что они выражают ему свою искреннюю благодарность.
- ⁷¹ ДАИ. – Т. 9. – С. 260.
- ⁷² Романов М.Ю. Москва стрелецкая. – М., 2012. – С. 59.

-
- ⁷³ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. – М., 2006. – С. 362.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 499. – Л. 121.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 32. Прим. «Анбурское» сукно - сукно из Гамбурга среднего качества.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 414. – Л. 438–439.
- ⁷⁷ Там же. – Л. 440. Прим. Половинка - цельный кусок выделанной материи, длина которой стандартизировалась с изрядными допусками и не имела четкого установленного и выдерживаемого размера даже на европейских мануфактурах.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 499. – Л. 123.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 670. – Л. 715.
- ⁸⁰ Там же. – Л. 716.
- ⁸¹ Там же. – Л. 716–717.
- ⁸² Там же. – Л. 717.
- ⁸³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 10.
- ⁸⁴ Там же. – Л. 18.
- ⁸⁵ Там же. – Л. 18,20.
- ⁸⁶ Там же. – Л. 22.
- ⁸⁷ Там же. – Л. 32–34.
- ⁸⁸ Там же. – Л. 31.
- ⁸⁹ Там же. – Л. 35.
- ⁹⁰ Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы // Цейхгауз. – № 1, 1991. – С. 10–11; Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // Армии и битвы. – 2008. № 9. – С. 17; Писарев А.Е. Служилое платье московских стрельцов // Армии и битвы. – 2009. № 11. – С. 21–23.
- ⁹¹ Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М., 1976. – С.299–300. Комментарии к документу № 70.
- ⁹² Паласиос-Фернандес Р. Московские стрельцы // Цейхгауз. – № 1, 1991. – С. 15.

-
- ⁹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 414. – Л. 293–294.
- ⁹⁴ [Татарников К.В. Русская полевая армия 1700-1730. Обмундирование и снаряжение. – М., 2008. – С. 133.](#)
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 499. – Л. 121–122.
- ⁹⁶ Там же. – Л. 123.
- ⁹⁷ Там же. – Л. 125.
- ⁹⁸ ДАИ. – СПб, 1867. – Т. 10. – С. 104.
- ⁹⁹ [Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686 году // Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 6. – Белгород, 2006. – С. 89.](#)
- ¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 58–59.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 482. – Л. 384.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 429. – Л. 703.
- ¹⁰³ АЮЗР. – Т. 7. – С. 284–285.
- ¹⁰⁴ РГАДА Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 481. – Л. 370.
- ¹⁰⁵ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. № 308. – Л. 343–344, 355–356.
- ¹⁰⁶ АМГ. – Т.3. – С.162.
- ¹⁰⁷ Там же. – С. 161.
- ¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 482. – Л. 639.
- ¹⁰⁹ РГАДА. Ф.210. Столбцы Московского стола. № 321. – Л. 582, 583, 585, 586.
- ¹¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 482. – Л. 639.
- ¹¹¹ АМГ. – Т. 2. – С. 677.
- ¹¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 307. – Л. 4–6.
- ¹¹³ АМГ. – Т.3. – С. 163.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 499. – Л. 97–98.
- ¹¹⁵ Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. – СПб, 1854. – Стб. 345–346.
- ¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 475. – Л. 357.
- ¹¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 535. – Л. 60.
- ¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 613. – Л. 74–75.
- ¹¹⁹ Там же. – Л. 76–79.

-
- ¹²⁰ РГАДА. Ф.79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1661. – Л. 55.
- ¹²¹ Там же. – Л. 56.
- ¹²² Там же. – Л. 59.
- ¹²³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – М., 1959. – Т. 2. – Ч. 2. – С. 67.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 670. – Л. 64, 768.
- ¹²⁵ АЮЗР. – Т. 11. – Стб. 652–653.
- ¹²⁶ РГАДА. Ф. 210. Книги Приказного стола. № 25. – Л. 256 об. – 257.
- ¹²⁷ Там же. – Л. 252.
- ¹²⁸ Гордон П. Дневник 1677-1678. – М., 2005. – С. 60.
- ¹²⁹ Там же. – С. 93.
- ¹³⁰ РГАДА. Ф. 210. Книги Приказного стола. № 25. – Л.253.
- ¹³¹ Там же. – Л.253 об.
- ¹³² Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. – М., 1976. – С. 299–300. Комментарии к документу № 70.
- ¹³³ Романов М.Ю. Москва стрелецкая. – М., 2012. – С. 28.
- ¹³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 926. – Л. 58.
- ¹³⁵ ДАИ. – Т. 9. – С. 259.
- ¹³⁶ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. – М., 1954. – С. 187–188.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 1013. – Л. 591–607.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 1169. – Л. 224–229.
- ¹³⁹ Лобин А.Н. Пушки и знамена полков Белгородского разряда в 1686 году // Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 6. – Белгород, 2006. – С. 89.
- ¹⁴⁰ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. – СПб, 1858. – Т. 1. – С. 305.
- ¹⁴¹ Там же. – С. 388.
- ¹⁴² Новомбергский Н.Я. Очерки внутреннего управления Московской Руси XVII столетия. – Томск, 1914. – Т. 1. – С. 364.

¹⁴³ Там же. – С. 364.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф.210 Столбцы Белгородского стола. № 1673. – Л. 279–287. Прим. В книге: Разрядный приказ. Опись столбцов Дополнительного отдела. ЦГАДА. – М., 1950 на стр.101 упоминается дело за 207-й (1698/99) год: Отставка полковника Белгородского жилого Московского стрелецкого полка Михаила Кобелева от полковничьего чина, присылка имени его в Разряд для написания в полковую службу и назначение на его место в полковники жильца Осипа Григорьева с. Булгакова.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. № 2688. – Л. 33, 45–46.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 1856. – Л. 169–171, 386–387, 451–452; [Рабинович М.Д. Полки Петровской армии 1698-1725. – М., 1977. – С. 21, 44.](#)